понедельник среда пятница
Новая газета
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
№ 117 (3271) 18.10.2021 г.

СЕКС БЕЗ ПРОСВЕТА

РОССИЯ ДОГНАЛА АФРИКУ ПО ВИЧ, И ДЕЛО НЕ В НАРКОТИКАХ

страница 9

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

ШТРИХБРЕЙКЕРЫ

ОФИЦЕРЫ ФСБ ВЫМАРЫВАЮТ ИЗ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ИМЕНА СТАЛИНСКИХ ПАЛАЧЕЙ, ЧУВСТВУЯ СЕБЯ ИХ ПРЕЕМНИКАМИ

страницы 10–11

4 630001 410018 21117

Выглядит дико и непонятно: компания гопников ворвалась на показ фильма о голодоморе в «Международный мемориал»*. Трудно предположить, что в Москве есть гопники, зацикленные на теме голодомора. Слышат это слово — и сразу в драку. Трудно вообще представить себе гопников, которые знают, что такое «Мемориал» и где он находится. Какие-то необычные гопники. Еще более странно, что преступниками в этой ситуации оказались пострадавшие. Полиция довольно жестко наехала на зрителей, заперла их в зале на несколько часов, изъяла видеорегистраторы, и теперь мемориальцам предстоит оправдываться за то, что им сорвали показ. И в очередной раз предоставлять горы документов, доказывающих, что они вообще имеют право существовать. Ради этого все и было затеяно, считает председатель правления «Мемориала» **Ян РАЧИНСКИЙ**.

ГОПОТА НА РАЗОГРЕВЕ

Провокаторы сорвали показ фильма в «Мемориале». Приехала полиция и заставила мемориальцев оправдываться за то, что на них напали

— Ян, что это вообще было?

— Что-то странное, сплошные вопросы. Причем действия правоохранительных органов вызывают больше вопросов, чем действия хулиганов, назовем их так. Поскольку нападавшие в основном ретировались, как только была вызвана полиция, и пострадали мы не столько от них, сколько от правоохранителей.

— Выходит, на вас напали не гопники, а полиция?

— По крайней мере, нам никто не объяснил, зачем было задерживать людей на несколько часов (фактически это лишение свободы безо всяких на то оснований), зачем изымать регистраторы и вообще вести себя так, как будто во всем виноваты мы. Требование пустить нашего юриста было отклонено, тоже без оснований. И так далее.

— Насколько важен в этой истории фильм или реальная причина была другой?

— Фильм по всей видимости сочли удобным поводом. А сегодня неожиданно пришли представители отдела по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией и потребовали копию фильма, документы о регистрации и установочные данные сотрудников организации. Там длинный список того, что они хотят. Полный комплект документов за тридцать лет — это абсолютное безумие. Срыв показа в «Мемориале» можно квалифицировать как мелкое хулиганство. Какое отношение к нему имеет наша регистрация и все прочее? По-моему, никакого.

— Это же не первое нападение на вас?

— Нападения были, но они несколько отличались от этого, составом нападавших в первую очередь. На нас нападали НОД и SERB, наши сотрудники многих из них уже знают в лицо. А здесь были молодые люди примерно одного возраста спортивной выправки, то есть несколько другой контингент. Трое из них были задержаны, полицейские фотографировали их паспорта. Станут ли известны их имена? Будут ли они допрошены под протокол? Очень сомневаюсь в этом, судя по действиям полиции.

— Как вы думаете, их действительно волнует голодомор?

— Про это не знаю, но их главный тезис: надо гордиться своей историей. А все, что нашу историю не украшает — ложь и клевета. Такая у них позиция.

— Что будет дальше? Их накажут? Возбудят дело?

— Не знаю. Пока что объяснения главным образом даем мы. Но будет жалоба с нашей стороны на нарушения, которые допустила полиция, это я знаю точно. Вообще, очень неприятная ситуация. Больше всего я переживаю за наших посетителей. У одной женщины стало плохо с сердцем. По счастью, обошлось без тяжелых последствий, хотя могло быть всякое.

— Сколько людей было в зале?

— Человек 20–25, примерно столько же сколько ворвавшихся молодчиков.

— Фактически домашний показ. Неужели кто-то считает, что такое крошечное событие может повлиять на ситуацию в стране?

— По-моему, очевидно, что их раздражает деятельность нашей организации, а не конкретное событие. Конкретное событие — только повод.

— Этот наезд — явный сигнал для вас. Как его трактовать?

— Как попытку контролировать исторические исследования. Власти нужна лакированная история, а мы изучаем реальную.

Ян ШЕНКМАН, «Новая»

**Внесен Минюстом РФ в реестр НКО-«иноагентов».*

справка «новой»

Фильм «Гарет Джонс», который показывали 14 октября в «Мемориале», сняла польский режиссер Агнешка Холланд в 2019 году. Это историческая драма, основанная на реальных событиях. Главный герой, известный английский журналист, приезжает в Советский Союз, чтобы взять интервью у Сталина. Из Москвы он тайно уезжает на Украину писать о голодоморе. Репортажи Джонса имели мировой резонанс. После их публикации журналисту был запрещен въезд в СССР, его обвинили в шпионской деятельности.

повестка

ПРИЗРАК ПАРЛАМЕНТА

В восьмой Думе нашлись вольнодумцы: что это значит?

Фракция КПРФ в Думе, вдохновленная своим успехом на выборах, напитанная живой кровью электоральной поддержки, как выразилась Екатерина Шульман, и раскрасневшаяся до состояния почти реальной оппозиции, потребовала провести парламентское расследование обстоятельств пыток заключенных в учреждениях ФСИН. Видеозаписи пыток накануне были опубликованы проектом Gulagu.net, и у разумного человека любых политических взглядов нет сомнений в том, что изображенного на видео не должно происходить ни с кем — вне зависимости от статьи, по которой заключенный сидит, или от степени удовольствия, которое этот процесс приносит палачу.

С заявлением о необходимости расследования выступил 14 октября коммунист Алексей Куринный, который обосновал ее «широким резонансом и регулярным характером сообщений о подобных преступлениях». На том же заседании Куринный пошел дальше и заговорил о репрессиях в отношении членов КПРФ после выборов, потребовав вызвать в Думу для дачи объяснений генпрокурора Игоря Краснова и министра внутренних дел Владимира Колокольцева. Куринного в части наличия репрессий поддержал Геннадий Зюганов. А вот Вячеслав Володин, переизбранный накануне спикером Думы, в ответ призвал фракцию КПРФ «не политизировать итоги выборов», что бы это ни означало. Такой дерзкой дискуссии российской парламент, кажется, не видел уже несколько лет.

Лидер фракции «Новых людей», в которую в итоге вошло 15 депутатов, бизнесмен Алексей Нечаев неожиданно выступил в защиту задержанного ректора Шанинки Сергея Зуева, которого подозревают в хищении 21 млн рублей. Нечаев заявил, что давно знает Зуева лично и что считает ситуацию, в которой человека такого возраста, пользующегося заслуженным уважением, вытаскивают из больничной постели и везут под арест, позорной. «Я рад, что ему дали домашний арест. Но странно, когда в России мы радуемся, что человека не посадили в изолятор, а дали всего лишь домашний арест», — сказал Нечаев.

Алексей Нечаев заступился за ректора Шанинки Сергея Зуева

Анна ИСАКОВА / ТАСС

Показательно, что заявлениями дело не кончилось. Коммунистам в итоге удалось инициировать голосование по проекту Куринного — в части парламентского расследования. В его поддержку проголосовали 96 депутатов, в том числе почти все представители фракций КПРФ и «Справедливой России», почти половина представителей ЛДПР и половина «Новых людей». Интересно, что среди этих 96 депутатов оказался и один представитель «Единой России».

Заблокировать расследование пыток удалось после консолидированного выступления единороссов, 258 депутатов которых сказали твердое «нет» призраку парламентаризма. Глава комиссии по безопасности и противодействию коррупции Анатолий Выборный, представляющий, естественно, «Единую Россию», высказался в том духе, что Минюст уже ведет проверку, а СК возбудил уголовное дела, так что депутатам тут делать нечего.

Возможно, если бы Россия жила по своей писаной Конституции любой из последних двух редакций, то есть была бы демократической и многопартийной республикой, подобные события не требовали бы специального анализа. Ведь в конечном счете речь идет об обычной функции оппозиционных фракций, да еще и находящихся в подавляющем меньшинстве, — о критике действия исполнительной власти и, в частности, правоохранительных структур.

Но на фоне актуального кладбищенского политического пейзажа демарш Куринного, конкурентное голосование по парламентскому расследованию и заявление Нечаева в поддержку Зуева выглядят настоящей экзотикой.

Преувеличивать важность конфликта, произошедшего на пленарном заседании 14 октября, конечно, не стоит. Вполне возможно, что речь идет лишь об инерции предвыборной кампании и о той самой «электоральной крови», которая еще бродит между двух фракций, добившихся наибольшего для себя успеха (КПРФ расширила свое представительство, а «Новые люди» впервые получили его — из всех новых проектов, пытавшихся играть на фланге «согласованного либерализма в твердых рамках»).

Но если попытки говорить с трибуны Думы неприятные для силовиков вещи, что-нибудь понемногу «политизировать» и навязывать единороссам голосования по альтернативной повестке будут продолжаться, это может стать симптомом расширения нынешнего политического кризиса — его выхода на качественно новый уровень. Первые шаги здесь уже сделали власти, обнажив дубины политического террора и доказав тем самым, что других конкурентных преимуществ, кроме насилия, у них не осталось. Второй шаг сейчас обозначен теми структурами, которые в эпоху Владислава Суркова было принято называть системной оппозицией. Выходит, что даже очень системные политики не могут молча смотреть на то, как страна уходит в политическую тьму.

Кирилл МАРТЫНОВ, «Новая»

Скриншот с avito.ru

СРАЧ И НЕНАВИСТЬ — БЕСПЛАТНО

В Красноярске ищут выслушивателя мата по специальной линии. Религия и водка, ирония и покорность — так победим

Человеку надо, чтобы его слушали. Иногда позарез. В Красноярске срочно ищут выслушивателя мата за 40 тыс. рублей в месяц. Вакансия опубликована на «Авито» и в соцсетях. Работа — на телефоне, на открытой в конце сентября стресс-линии «Наори бесплатно!».

Вакансию разместила руководитель тренингового центра Ольга Бондарь Требования к соискателям: психологическое образование, аналитический склад ума, «слушать придется именно мат и даже подыгрывать в беседе, чтобы человек смог выговориться и улучшить настроение».

Динамика рынка труда — точное свидетельство перемен в стране и мире. Где, скажем, те кукушки (уличные диспетчеры), гордость нашего генофонда, что в сорокаградусный мороз с полшестого утра и до вечера показывали пальцами водилам автобусов, на сколько минут они разделены с конкурентами? (Особое развитие эта профессия получила в таких вытянутых линейно городах, как Красноярск.) Где рэкетиры и челноки? Ушли на пенсию, и смены им нет.

Хаос, на первый взгляд, отступает, жизнь очеловечивается, и сейчас в Красноярске ищут то отпугивателя ворон на гольф-поле (за 50 тыс. запускать воздушных змеев и искать мячи, сворованные птицами), то вот человека, который будет слушать вопли, рычание, мат. Примеры таких звонков работодателем приведены: обычно табуированная лексика иссякает через пару минут, потом идут просто жалобы на жизнь, а в конце еще и благодарность за то, что выслушали.

Надо ждать вытирателя слез и соплей. Впрочем, и эти предложения, сформулированные чуть иначе, уже есть. Наряду с этим нельзя не упомянуть также устойчивый рост популярности тиров и всяких забав вроде избиения чучел начальников.

Бондарь рассказывает, что бесплатную линию она открыла для менеджеров по продажам и риелторов. «Выскажите все, что думаете, даже матом, и вам станет легче. Это быстро, бесплатно, поможет выговориться и продолжить работать или жить. Представьте, что вы звоните боссу, коллеге или клиенту, который вас бесит, — снимите эмоциональное напряжение и ощутите прилив сил! Длительность бесплатного антистресс-сеанса до 10 минут». Если не помогло, можно прийти на личный прием по записи и уже платно. Звонить могут (и звонят), конечно, не только риелторы и продавцы.

Психолог констатирует, что выразить скопившийся негатив негде: на начальника не поорешь, на домашних тоже вроде как неприлично. Все это приводит к психосоматическим заболеваниям, и предложенный ею метод снятия стресса быстро обретает популярность в Красноярске — каждый день поступает до 50 звонков, и сама она уже не успевает выслушивать всех, поэтому объявила кастинг.

Жизнь всегда была причиной неврозов, а уж современная и вовсе несовместима с изначальным человеком, с инстинктами. И что? Менять не жизнь, а свое отношение к ней, иначе психосоматика сожрет. Ирония и покорность. Позвони на бесплатную линию, перебери крупу, пощелкай семечек. А еще есть традиционные технологии социальной анестезии: религия и водка. И — все по барабану. Делай с этими людьми что хочешь.

Красноярские пивовары, например, сварили новый сорт пива и назвали его «Черное небо» — в честь перманентного смога над городом. Отличный продукт — черный, плотный, крепкий. А горожане прямо так и написали в инстаграме губернатору Уссу: «Если у нас нет возможности свободно дышать, нам надо учиться жить с черным небом». И предложили запретить выводить воспитанников детсадов и учащихся школ на воздух в периоды неблагоприятных метеоусловий (НМУ, он же режим черного неба или безветрия). Ранее Роспотребнадзор и краевой минздрав по инициативе «Русала» (главного загрязнителя воздуха Красноярска и главного же бенефициара смога) разработали для детсадов особое питание — с целью «повышения адаптационного потенциала к химическому загрязнению для Красноярска». То есть не завод закрывают, а детей приучают дышать его выбросами. Это не капитулянтство называется, это — трезвость. Не борьба за чистый воздух, а управление химическими рисками. А она состоит не в минимизации этих рисков, а в адаптации к ним народа. Это тренд, его можно проецировать практически на все стороны сегодняшней российской жизни.

Не проблему решай, а собой займись. Не пенься, не пузырись (в выкипающей кастрюле). Успокойся. Вовне тебе ничего не изменить. Да там и нет ничего. Выпусти пар.

Все вроде верно: если зло берет, то оно как ртуть, в организме копится, надо выплескивать. Но это же и профилактика борьбы и решения проблем. Профилактика свободы и ответственности. «Кролик был очень воспитанным». Но штука в том, что это именно про кролика и его жизнь.

Субъективный идеализм родился на Западе, а побеждает у нас, несмотря на долгие годы марксизма-ленинизма и воспитание покорителей и преобразователей природы. Эти поколения уходят. А будущее прекрасно: там, где нет сопротивления, насилие не требуется.

Алексей ТАРАСОВ,
обозреватель «Новой»,
Красноярск

sos!

РУБИТЬ БЕЗ ПАМЯТИ

Следственный комитет дал зеленый свет уничтожению лесов в российских заказниках

Томское управление СКР закрыло уголовное дело о незаконной рубке леса в Карегодском заказнике — особо охраняемой территории, месте обитания краснокнижных птиц. Закрыло тихо: даже без пресс-релиза, ограничившись заявлением для портала «В Томске»: «Положение о заказнике допускает проведение подобных мероприятий. <...> Доводы главного специалиста-эксперта отдела охраны и защиты лесов о незаконности сплошных санитарных рубок в заказнике «Карегодский» и наличии переруба древесины предварительным следствием подтверждения не нашли и являются его ошибочным мнением». Одномоментно — просто по совпадению — пресс-секретарь томского следкома ушла в отпуск. Получить подробный комментарий ведомства сейчас невозможно.

Открывали это дело совсем иначе: новости о превышении полномочий чиновниками департамента лесного хозяйства Томской области разошлись по региональным и федеральным СМИ. О выявленных нарушениях писала Генеральная прокуратура.

А предшествовали возбуждению уголовного дела две публикации — томского агентства ТВ-2 («Карегодский заказник: уничтожение разрешено?») и «Новой газеты» («Деньгорубы»). Напомню коротко: в 2012 году в Томской области прошли крупные лесные пожары. На севере они затронули территорию заказника, где гнездятся краснокнижные орлан-белохвост, черный аист и скопа. Пять лет лесники предлагали срубить пострадавшие от пожара деревья, но начальство им отказывало. А в 2017 году департамент лесного хозяйства внезапно опубликовал акты лесопатологических обследований, в которых говорилось, что последствия пожара в Карегодском заказнике настолько серьезны, что в нем нужно вырубить весь лес на площади 770 гектаров.

И это бы еще ничего, но в скором времени местные жители и лесники начали бить тревогу: по Чулыму и Оби со стороны заказника поплыли баржи с совершенно здоровым лесом.

Мы выехали в заказник со специалистами по лесному хозяйству: экологом и кандидатом наук Никитой Дебковым, руководителем программы по особо охраняемым природным территориям российского Гринписа Михаилом Крейндлиным, экс-директором областного охотуправления Евгением Мурзахановым и охотоведом Владимиром Рогоевым. По лесопатологическим правилам мы обследовали пни. И оказалось, что 75% деревьев на момент рубки были живы. При этом, по официальным данным, картина была ровно обратной — 71% сосен, 82% осин и от 79 до 100% берез были признаны усыхающими и сухостойными деревьями.

Мы не остановились и начали выяснять, кто же рубит лес. Оказалось, это компании «ИнтелСтрой» и «Фаворит» томского бизнесмена Валентина Широкова. Интересно, что до 2013 года соучредителем «ИнтелСтроя» вместе с Широковым был Артем Конев, начальник регионального департамента лесного хозяйства.

За право проведения санитарной рубки леса в Карегодском заказнике Валентин Широков заплатил государству всего пять миллионов рублей — лес ведь по документам сухостойный. При этом даже официальные лица, например руководитель томской Рослесзащиты Александр Чемоданов, оценивали запасы деловой древесины на выделенных под санрубку участках в 100–132 тысячи кубометров. Цена одного куба леса на тот момент — от 3000 до 5000 рублей. То есть бывший бизнес-компаньон начальника лесного департамента мог заработать на заказнике порядка 300 миллионов. И нужно признать, дела у него в прошлом году действительно пошли в гору: выручка «ИнтелСтроя» по сравнению с 2019 годом выросла с 69 до 163,8 млн рублей, «Фаворита» — со 109 до 186 млн.

Уголовное дело о превышении полномочий возбудили на следующий месяц после публикаций «Новой» и ТВ-2. К нему изначально были вопросы — сумму ущерба следователи оценивали всего в 9,5 миллиона рублей. Но пока следствие шло, была надежда: разберутся. В нем месяцами не появлялось фигурантов (и так и не появилось), но в СКР заверяли: работаем.

Доработались. Это сейчас следком заявляет: «Доводы главного специалиста-эксперта — ошибочны». А как быть с фактами, выявленными прокуратурой? Это ведь прокуроры трижды выезжали в заказник, находили нарушения, и именно они стали инициаторами возбуждения уголовного дела. Природоохранная прокуратура тоже ошиблась?

Кстати, хотелось бы познакомиться с главным специалистом-экспертом, который пришел ровно к тем же выводам, что и мы: удивительно — независимые эксперты в области лесного хозяйства, государственный специалист и природоохранные прокуроры приходят к одному и тому же выводу, но все они неправы.

Закрытие уголовного дела о рубках в Карегодском заказнике дает зеленый свет «освоению» и других особо охраняемых территорий. Интерес промышленников к Прибайкальскому заказнику в Бурятии, к Тунгусскому заповеднику в Эвенкии, к заказникам Удмуртии и Южного Урала хорошо известен. И теперь как минимум известно, что даже самые очевидные доказательства нарушений могут быть не сочтены таковыми.

Мы, конечно, это так не оставим. «Новая газета» направит запрос в СКР с просьбой рассказать, какие следственные действия в принципе были проведены в рамках уголовного дела. Мы направим запрос и в природоохранную прокуратуру: согласны ли они с выводами СК?

Леса Карегодского заказника, судя по торговой цепочке компаний Валентина Широкова, могли продать в Китай.

Стоп. Хватит. Оставьте заповедные леса расти в России.

Иван ЖИЛИН, «Новая»

Многоквартирный дом в Крыловке

Михаил КУЗНЕЦОВ

Репортаж из Оренбургской области, где суррогатный алкоголь убивает честных трудяг

«У НАС ТУТ ТРУП ЗА ТРУПОМ. ОДНОГО КАМАЗИСТА ПРЯМО С КАМАЗА СНИМАЛИ»

7 октября стало известно о массовом отравлении суррогатным алкоголем на востоке Оренбургской области. Сначала местные власти сообщали о 10 погибших жителях региона, но число отравлений продолжило расти. На момент публикации этого текста число погибших достигло 35 (последняя смерть была зафиксирована 13 октября), случаи отравлений были выявлены в шести населенных пунктах Восточного Оренбуржья. В крови погибших был обнаружен метанол. Водку, которую они купили в небольших магазинах из-под прилавка и с рук у знакомых распространителей, подпольно разливали в городе Орске — оперативники обнаружили там склад с суррогатным алкоголем и бочки с метиловым спиртом. Следователи возбудили 14 уголовных дел по факту массового отравления, задержаны уже 15 человек. Корреспондент «Новой» отправился на восток Оренбургской области, чтобы выяснить, как регион подсел на суррогат и почему такое будет повторяться и повторяться.

1

Село Крыловка с населением 1321 человек административно относится к Орску, хоть и расположено на расстоянии больше 30 километров от города. 44-летняя жительница села Галина Насонова, мать пятерых детей и трудяга, работала в одном из здешних фермерских хозяйств. Точнее, в фермерское хозяйство Галина нанималась во время уборки урожая, когда рук не хватало, а после возвращалась сортировать вторсырье в орскую компанию «Чистый город». Там Галина за каждую отработанную смену получала 500 рублей «в конверте» (работала она без договора), а в фермерском хозяйстве — от 700 до 1000 рублей. Поэтому осенью она шла работать в поле.

7 октября Насонова работала на уборке моркови. Вместе с ней морковь убирала жительница Крыловки Виолетта Кулипанова, которая позвала Галину после смены в гости — на бешбармак. К Кулипановым Насонова пришла в восемь вечера — с бутылкой водки, которую она купила в продуктовом магазине неподалеку от своего дома. Вероятно, просто чтоб не идти с пустыми руками. На водке была этикетка несуществующей торговой марки «Родники Сибири», акциза не было, но Галину это не смутило. В Крыловке три продуктовых магазина, лицензии на продажу крепкого алкоголя нет ни у одного из них, но, по утверждениям сельчан, два магазина всегда продавали водку из-под полы — в пластиковых бутылках без этикеток и в стеклянных бутылках с этикетками вроде «Родников Сибири». И многие местные, Галина в том числе, эту водку брали: во-первых, дешево (например, водка в пластиковой бутылке стоила всего 120 рублей за пол-литра, это в два раза меньше минимальной розничной цены на водку), а во-вторых, за «лицензионной» водкой надо было ехать в город. О происхождении этой водки мало кто задумывался, ведь никто в Крыловке от нее никогда не умирал, максимум — голова болела.

Вместе с Галиной и Виолеттой водку пил муж Кулипановой Бесимбай Кулипанов. Застолье вышло недолгим: поели, выпили бутылку на троих и в десять часов вечера Насонова вернулась к себе домой. Это не поведение алкоголиков. Это типичный вечер трудового дня российской глубинки, где другой отрады, кроме бешбармака у друзей под 50 грамм, народ просто не знает.

8 октября Насонову и Кулипановых увезли в больницу с признаками отравления метанолом. Кулипановых удалось спасти, Насонову — нет, она скончалась в тот же день.

У Галины Насоновой остались трое несовершеннолетних детей — сыновья 14 и 15 лет и 17-летняя дочь — и двое совершеннолетних сыновей, старшему из которых всего 21 год.

Историю гибели Галины Насоновой мне рассказывает Виктор Мартынов, руководитель администрации села. Мы ездим с ним, 57-летним невысоким лысым энергичным мужчиной, в его недорогой серой иномарке по Крыловке — развозим местным листовки, предупреждающие об опасности «приобретения и употребления спиртосодержащей и алкогольной продукции в бутылках с признаками контрафактности» и рассказывающие про то, как должна выглядеть акцизная марка. Еще 8 октября, на следующий день после первых отравлений, Мартынов вместе с сотрудниками сельской администрации, «выполняя указание губернатора», успел раздать такие листовки «почти всем жителям» («Пешком обходили людей, на столбах развешивали, на магазинах, в группы во «ВКонтакте» закидывали»), но несколько адресов «остались незакрытыми», и Мартынов решил их закрыть сейчас: «Все, конечно, и так в курсе. Но вдруг обидятся — скажут: «Всех посетили, а меня нет». Рассказывая о Галине Насоновой, Мартынов понижает голос.

— То, что произошло, — это трагедия, — говорит он. — Она мама-одиночка, с мужем в разводе. Одинокая женщина, конечно, не может быть совсем благополучной — выпивала она, но не так, чтобы прям сильно. Детки у нее всегда ухоженные ходили, накормленные, чистенькие, обутые. Муж ей помогал, сама она несколько раз писала в Комплексный центр социального обслуживания населения города Орска заявление на матпомощь, в прошлом году ей выделяли средства на приобретение поросят.

Фото из соцсетей

Галина Насонова

С виду Крыловка — типичное российское село, каких тысячи. Церковь, детсад на 90 мест (по словам Мартынова, детсад «не заполнен даже наполовину»: «Никто не хочет рожать»), школа, почта и памятник воинам-односельчанам. В степи (Орск и близлежащие районы расположены практически в центре Евразийской степи, до границы с Казахстаном меньше 30 километров), за домами, под высоким серо-голубым небом пасутся коровы, за гнилыми деревянными и новыми, из профлиста, заборами чернеют огороды. На балконах немногочисленных серых двухэтажных панелек с обшарпанными стенами сушится разноцветное белье.

Анатолий Трункин

Михаил КУЗНЕЦОВ

На въезде в село Акжарское

Михаил КУЗНЕЦОВ

Анатолий и Светлана Жидовы

Михаил КУЗНЕЦОВ

Низенькие деревянные домики с почерневшими крышами порой кажутся заброшенными — а потом раз, и выходит из калитки старик в тюбетейке, закуривает сигарету и прищурившись глядит на мужиков, бесцельно курсирующих с мрачными лицами по Крыловке на велосипедах. На дорогах лежит старый, но еще живой асфальт. Выбеленное здание местного клуба с триколором на крыше посреди этой серости слепит глаза своей белизной и как бы намекает на славное прошлое Крыловки — на те времена, когда здесь был совхоз, училище, в школе — 400 учеников, а не 100 и у всех сельчан была работа.

Безработица — именно ее сельчане считают главной причиной отравлений суррогатом в Оренбуржье, в селах, похожих на Крыловку.

— Умирают-то не алкаши, умирают нормальные люди, — объясняет 62-летний житель Крыловки Анатолий Трункин, принимая из рук Мартынова листовку. Глубокие морщины вокруг прищуренных глаз, оранжевая спецовка, старенькая вязаная шапка с застрявшими между ворсом веточками — мы застаем Трункина во время работы, он ломает свой старый сарай, чтобы потом построить новый. — Алкаши у нас все в 90-х еще поумирали. Ну устали люди целый день пахать за копейки — почему бы не выпить вечером, после бани, например. Водку берут по дешевке. А куда денешься? Эта женщина, которая умерла, она сейчас работала каждый день. Ну отработала, заплатили ей 700 рублей, взяла она бутылочку посидеть — всё, тут ничего такого нет, так все живут. Перебиваются разовыми заработками у фермеров. Заработали где-то что-то — выпили. Потому что работы тут нет. Я был главным энергетиком совхоза, совхоз развалили, и мне пришлось в Орск ездить работать. 18 лет работал охранником. И все отсюда едут в город: кто в Орск, кто в Москву, кто в Питер, кто на вахту на север.

— Безработица — вот основная причина, — говорит 69-летний пенсионер Анатолий Жидов, протягивая мне руку в мазуте. Завидев машину Мартынова, он выходит вместе с женой, Светланой Ивановной, из калитки и зовет нас в свой двор, заставленный покосившимися шкафами с инструментами, деталями от машин и проводами. — Я работал в совхозе мотористом, попробуй выпить — прогул поставят. Сейчас если бы была работа, то люди бы подумали, что им утром выходить, не стали бы пить. В русскую рулетку играют. Хорошо, что я 20 лет как бросил пить из-за печенки. А так бы тоже сдох.

2

Село Акжарское Ясненского городского округа, расположенное в 48 километрах от Крыловки, стало одним из самых крупных очагов отравлений. От суррогатного алкоголя здесь погибло восемь человек, в том числе семья — муж и жена, у которых осталось пятеро маленьких детей.

На въезде в Акжарское меня встречает ржавая железная стела с годом основания села — 1929 — и две коровы, которые бродят вдоль гигантского солончака по правую сторону от дороги, слизывая соль с его поверхности.

Главная достопримечательность села — выкрашенный серой краской памятник воинам-землякам с красной звездой наверху. Напротив памятника стоит прислоненный к забору выцветший баннер «С юбилеем, родное село», который почему-то так и не убрали с 2019 года. Низенькие домики, деревянные заборы и лежащие за ними ржавые бороны, три бродячих собаки, несколько заброшек без окон и новая желтая двухэтажная школа на 90 мест, из которых занято лишь 36, — вот, пожалуй, и всё Акжарское.

Село словно пребывает в анабиозе. Лишь изредка по центральной улице проедет какая-нибудь машина или пройдут дети со школьными ранцами за спиной. И снова тишина.

— Вот так, вымирает село, — говорит 66-летняя местная жительница Наталья Филипповна, приглашая меня к себе во двор, в беседку, увитую пожухлыми цветами.

Я увидел Наталью Филипповну с улицы и попросил рассказать о жизни в селе. Узнав, что я «журналист из Москвы», она зашла домой, накрасила губы, надела алую куртку и пригласила меня в беседку. — Раньше все бегали, работали. Механизаторы ездили, все было такое зеленое. А сейчас совхозов нет, дотаций нет, тут одни пенсионеры почти остались. Школу большую построили, а люди уезжают. У меня внук в этом году окончил школу. Поступил в Орский нефтяной техникум. Химии у нас не было, черчения не было, потому что преподавателей нет. Как он окончил — я не знаю. И дети вот ходят в эту школу — у нас есть хутор рядом, в котором вообще освещения нет, представляете, дети утром зимой, вот такие крохи, ползут в эту школу с фонариками на лбу. Чтобы молодежь как-то занять, клуб у нас есть. Моя соседка там работает. Придет с работы и трясется: продрогла. Там электрическое отопление, но его не разрешают включать — много денег мотает. Кто в этот клуб будет ходить? Автобус раньше ходил, а сейчас перестал — теперь ни в больницу, никуда не уехать, ладно хоть фельдшерский пункт тут до сих пор есть. Вот из-за этого и пьют у нас. Но я отсюда не хочу уезжать, мне тут нравится жить. И к Путину я хорошо отношусь, он просто не в каждую щель может залезть, — внезапно резюмирует пенсионерка.

Первые случаи отравления суррогатным алкоголем в селе произошли 6 октября. До этого никаких отравлений тут никогда не было, хотя местные, как и жители Крыловки, на протяжении многих лет покупали нелицензионную водку (лицензионной в селе просто не водится — у единственного сельского магазина лицензии на продажу крепкого алкоголя нет). Покупали на дому у своих же односельчан.

— 6-го числа мне позвонил Мурат (*отец пятерых детей, отравившийся суррогатом*. — **А.Р.**), сказал, что его жене Айслу плохо, — рассказывает сельский фельдшер Елена Клецкая, 50-летняя женщина с проседью на висках. — Они сделали ремонт, купили мебель и решили 5 октября обмыть. Проснулись — с утра плохо. Подумали, что с похмелья. Он ее еще и похмелил этой водкой. Мы ее увезли в больницу в Ясный. У Мурата стресс — он берет и еще выпивает этой водки, сначала же было непонятно, что жена водкой отравилась, я вообще думала, что инсульт. Оба умерли. У них пятеро детей осталось — 10 лет старшему ребенку. И потом у нас труп за трупом. Одного камазиста я прямо из КамАЗа забирала — его коллеги позвонили, я пришла, а он лежит на коробке передач, рядом пузырек валяется. Что меня поражает: уже все село знало про отравления и все равно некоторые умудрились выпить. В общем, на той неделе жило в селе 320 человек, а сейчас 307 осталось: восемь умерло, пятерых детей забрали.

Окончание материала
***Артема РАСПОПОВА* —**
СТРАНИЦЫ 6-7 ⇨

Наталья Филипповна

Фельдшер села Акжарское Елена Клецкая

«У НАС ТУТ ТРУП ЗА ТРУПОМ. ОДНОГО КАМАЗИСТА ПРЯМО С КАМАЗА СНИМАЛИ»

⇦ СТРАНИЦЫ 4-5

Жители села уверены, что все погибшие покупали водку в одной точке — у Анны и Ильдара Суншалиновых, пожилой пары, живущей на окраине села. Пока я иду до их дома, представляю, что увижу сейчас кирпичный коттедж с коваными воротами и большим гаражом (все-таки дельцы, водкой торгуют!). Но их дом оказывается совсем не таким: «дельцы» живут в старом маленьком кирпичном доме с гнилым деревянным забором, возле которого валяются какие-то покрышки, по двору ходят гуси. Даже «тарелки» у них нет — только ржавая антенна торчит из шиферной крыши.

— Хозяев нет, меня попросили присмотреть за гусями! — говорит мне худая женщина в цветастом халате и галошах, вглядываясь в мое лицо. Узнав, что я журналист, просит поговорить с ее мужем — и сама бежит в дом, расположенный напротив дома Суншалиновых, чтобы позвать его.

— Я родной брат Ильдара, — говорит мужчина в камуфляжной фуражке и в трико, заправленном в носки, садясь на лавку возле своего сарая и закуривая сигарету. У него широкое рябое лицо и неподвижные массивные брови. Для газеты он представляться отказывается. — Брата сейчас задержали, его жена лежит в больнице — у нее давление поднялось, гипертония. На него все смерти повесили, хотя у нас тут как минимум четыре такие точки и четыре человека [погибших в результате отравления суррогатом] не у него брали. Почему остальных прикрывают? Наверное, им так проще, чтоб не расследовать. Ему сейчас шьют такую статью, как будто и изготовители, и распространители все связаны между собой, хотят групповую повесить. Дело резонансное — им нужны ордена, медали. Но он только покупал на продажу где-то — пусть его накажут за сбыт. Посмотрите, как он живет: он работает в Ясном охранником, потом приезжает — идет к фермеру и на уборке урожая работает. Обычный 60-летний работящий мужик. Он же не чтоб нажиться продавал. Я его не оправдываю, я вообще с ним поругался, не скажу почему, и последний год с ним не общался.

Внезапно разговор сворачивает в другую сторону.

— Тут нет будущего, — вздыхает мой собеседник. — Коронавирус начал нас валить — человек шесть-семь уже умерло. Тут еще эта трагедия. Работы нет, мужикам делать нечего. Скотину тяжело держать, да даже птицу — не знаешь, как накормить. Мешок корма фермер у нас продает за 700 рублей. Откуда у людей такие деньги? Я 40 лет отработал, я ветеран труда, у меня 12 тысяч пенсия. 300 рублей за ветеранство дают мне. Еще 500 рублей за коммунальные услуги возвращают — три тысячи за коммуналку платим, 500 мне возвращают. Люди все в кредитах. Чтобы что-то купить, надо взять кредит, потому что так денег не соберешь. Такое ощущение, что нас выживают отсюда, чтобы эту территорию освободить. Только кому она нужна? На нас, можно сказать, плюнули. Мы — отработанный материал.

3

Если Крыловка и Акжарское выглядят как типичные российские села, то Орск — как типичный провинциальный промышленный город. Выцветшие двухэтажные сталинки, многокилометровые бетонные стены, огораживающие когда-то процветавшие заводы, Дворец пионеров, бронзовый Ленин на Комсомольской площади, указывающий потомкам рукой путь в светлое будущее, старые трамваи и даже «Магнит», уверенно расположившийся в ДК машиностроителей, монументальном здании с колоннами и огромной хрустальной люстрой под потолком супермаркета, — все здесь напоминает о недавнем прошлом. Только реклама ломбардов и контор по списанию долгов с граждан (регион сильно закредитован, согласно статистике, почти 29% доходов жителей области уходит на оплату кредитов), налепленная прямо на спинки лавочек на центральной улице города, проспекте Ленина, возвращает в настоящее. И местные, когда просишь их рассказать об Орске, рассказывают о прошлом: «Был у нас огромный Южно-Уральский никелевый комбинат (*доля комбината в мировом производстве никеля составляла более 1%. — А.Р.*) — закрылся, руководство выдавливало из него все соки, в модернизацию не вкладывалось. Был у нас «Южуралмашзавод» — предприятие остановлено, выставлено на торги, никто не покупает. Был у нас мясокомбинат — в 30-е годы строили, привозили сюда специально инженеров из США, суперсовременное предприятие построили. Он до 1/3 потребностей советской армии в тушенке закрывал. От комбината остался мясоконсервный цешок, всех поувольняли». Несмотря на то что за последние годы многие крупные промышленные предприятия города закрылись, орчане продолжают жаловаться на плохую экологию — например, в феврале 2019 года город накрыл плотный смог, в воздухе стоял едкий химический запах, замеры показали превышение предельно допустимой концентрации сернистого газа в четыре раза, серодиоксида — почти в пять раз. Местный Росприроднадзор тогда заявил, что промышленные предприятия ни в чем не виноваты — якобы воздух загрязняли автомобили и отопительные системы, установленные в частных домах. Ответ Росприроднадзора местных не удивил: те немногочисленные заводы, которые продолжают работать в Орске, являются самыми крупными налогоплательщиками города, этакими священными коровами. Население Орска с начала нулевых год от года сокращается — сейчас в городе проживает 224 тысячи человек (в 2001-м проживало на 50 тысяч больше), при этом 3% населения города (больше 6700 человек) заражены ВИЧ-инфекцией: в 90-е через Орск проходил трафик наркотиков из Средней Азии, с тех пор уровень заболеваемости наркоманией снизился, но ВИЧ продолжает распространяться — теперь половым путем. В 2015 году этот показатель был выше на полпроцента, Орск был лидером среди всех малых городов России по распространению ВИЧ.

В общем, Орск сложно назвать благополучным городом. Причин выпить тут не меньше, чем в окрестных селах. Наверное, поэтому каждый таксист в Орске может показать магазин, в котором 24/7 продают алкоголь из-под полы, — такие точки у местных пользуются популярностью, и клиенты нередко заказывают ночью такси до таких магазинов, чтобы купить бутылку водки без акциза за 150 рублей. (Я заходил в один из таких магазинов, расположенный в подвале жилого дома неподалеку от мясокомбината: «Никакой водкой мы никогда не торговали. У нас лицензии нет. Вот, у нас тут только пиво. У нас уже две проверки за последние дни было», — испуганно заявила мне продавщица.)

О том, почему местные не боятся покупать алкоголь неизвестного происхождения, и о том, откуда такой алкоголь вообще берется, я решил расспросить журналиста портала Orsk.ru Павла Лещенко — он много лет занимается этой темой. Мы встречаемся с Павлом, коротко стриженным широкоплечим мужчиной с бородой, возле орского кинотеатра «Мир», садимся на лавку с рекламой ломбарда, и он начинает рассказывать.

— В Москве вам, может, кажется, что эта история как в Иркутске, когда алкаши умирали от боярышника (*в 2016 году в Иркутске в результате отравления*

Вид на Орск из окон городской администрации

«И ВСЕ ЭТО — ОГРОМНАЯ КОРРУМПИРОВАННАЯ СИСТЕМА, КОТОРАЯ НА КАЗАХСКИХ ДРОЖЖАХ ЕЩЕ ВСПУХЛА, И СЕЙЧАС ЕЕ НЕЛЬЗЯ ПРОСТО ТАК ВЗЯТЬ И СДУТЬ

Журналист портала Orsk.ru Павел Лещенко

концентратом боярышника, содержащим метиловый спирт, погибли 76 человек. — **А.Р.**), но это другая история совершенно, — начинает Павел свой длинный рассказ. — Чтобы купить боярышник, нужно быть человеком опустившимся. А у нас умирают не маргиналы какие-то, а обычные люди. Просто у населения здесь другое отношение к дешевому алкоголю.

Это из-за близости к Казахстану. В конце 90-х — начале нулевых водка стоила там в три-четыре раза дешевле, чем здесь, у них были низкие акцизы. В Актюбинске (*местные по привычке называют так город Актобе, расположенный в Западном Казахстане, в 170 километрах от Орска. —* **А.Р.**) хороший ликеро-водочный завод. И водка у них очень качественная. И все, кто ездил в Казахстан тогда, обязательно покупали алкоголь и везли сюда. Даже я когда по делам туда ездил — обязательно захватывал. Тогда был лимит, по-моему, два литра на человека — то есть больше двух литров через границу ты не мог провезти. Но вода всегда дырочку найдет — в Орске и в соседних районах можно было легко купить ящик такой водки с казахстанским акцизом. Понятно, что если ты собрался выпить с другом, то вряд ли ты пойдешь по нелегальным складам искать такую водку, но если нужна водка на свадьбу или корпоратив, то будешь искать того, кто продает «казашку» (*так местные называют алкоголь из Казахстана. —* **А.Р.**), чтобы сэкономить. Кстати, местные, если ты сейчас скажешь слово «казашка», подумают не про женщину казахской национальности — вот такое устойчивое восприятие сформировалось.

Потом наступает 2010 год. Казахстан, Россия и Беларусь создают Таможенный союз. И вообще отменяются все барьеры. Ты можешь в Казахстане загрузить фуру водки с прицепом — и никто тебе на границе слова не скажет. Если гаишник тормознет и спросит типа: «Дружок, а ты куда везешь столько ящиков?» — ты ему отвечаешь: «Я очень-очень люблю водку, майор, и буду сам ее пить». Люди на этом бизнес строили. Поймали тебя за руку, что ты продал кому-то эту водку без нашего акциза, — это всего лишь административная. Потому что водку отправляют на экспертизу — а она нормальная, никакой уголовщины нет. Весь наш регион был наводнен этой водкой, и у людей нет в головах, что если ты идешь покупать из-под полы, то это что-то плохое. Если дешево, то почему бы не купить?

Потом наступает 2014 год. Казахи чухнули, что у них происходит нездоровая фигня: у них уходит водка из страны, и пьют ее русские. Они подняли акцизы в два раза — водка там резко дорожает, население Казахстана, кстати, было недовольно таким раскладом. Вдобавок к этому в том же 2014-м курс тенге относительно рубля сильно вырастает. Короче, водка становится не такой уж и дешевой — она все еще дешевле нашей, но сверхприбылей на ней уже не сделаешь.

А у нас за эти годы уже сформировалась бизнес-империя, за счет которой кормилось огромное количество людей. Были фуры, которые занимались чисто водкой. Были какие-то решалы, которые утрясали вопросы с таможенниками. Были арендованы склады, была целая сеть распространителей. Эту машину уже не остановить — рынок-то уже есть, спрос тоже никуда не делся.

И вот тут начинается настоящий криминал. Простым людям же по барабану, вырос там тенге, упал, они уже привыкли брать «казашку». И «казашку», конечно, кто-то тоже продолжает возить, но некоторые хотят тех сверхприбылей и под видом «казашки» начинают продавать суррогат. Дельцы покупают 200-литровыми бочками технический этиловый 96-процентный спирт, разбавляют его водой в соотношении две части спирта и три части воды, разливают по бутылкам (*согласно сайту одной из столичных компаний, продающих стройматериалы и стройхимикаты, оптовая цена десяти литров технического этилового спирта — 355 рублей, тогда как минимальная цена закупки этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, по приказу Минфина с 1 января 2020 года составляет 57 рублей за литр; получается, что литр технического этилового спирта стоит дешевле литра пищевого этилового спирта как минимум в 1,6 раза. —* **А.Р.**). И это еще ничего — разница между техническим этиловым спиртом и пищевым практически неосязаемая. Но дельцам хочется, чтобы прибыль была выше, и они думают, как сэкономить. Больше воды нальешь — тебя тут же спалят, человек засунет спиртометр и увидит, что у него 32 градуса, а не 40, приедет и морду набьет. Чтобы не спалиться, нужно добавить по плотности и по запаху такую же жидкость, как этиловый спирт, но более дешевую. И вот они начинают добавлять копеечный метиловый спирт (*оптовые цены за тонну метилового спирта в интернете начинаются от 25 тысяч рублей, в тонне метанола — 1263 литра, получается, что литр метанола стоит меньше 20 рублей, то есть метанол почти в два раза дешевле литра «технички». —* **А.Р.**). Если соблюдать пропорции, то все будет нормально — ну будут люди чуть больше с похмелья болеть. Но жадность берет свое: метилового спирта начинают добавлять все больше. В итоге в 2015 году в Гае (*город в Восточном Оренбуржье неподалеку от Орска. —* **А.Р.**) умирают два мужика. Нормальные мужики, не алкаши, не маргиналы — купили две бутылки виски по 200 рублей, а там оказалась чертова уйма метила. В том же году в Орске девчонка решила отпраздновать с подругами свое 18-летие и купила у одного знакомого бутылку виски. В итоге девчонка погибла, подруги оказались в реанимации. Тогда здесь кипеж был кошмарный, всех поставили на уши, нашли мужика, который этой девочке продал виски, посадили его на три с половиной года.

Территория со складскими помещениями в Орске, в одном из которых разливали суррогат

И вот прошло шесть лет, те трагедии забылись. И сейчас все повторяется, но в других масштабах — дельцы снова переборщили с метилом, и эта партия разошлась. А люди спокойно эту водку раскупили. Потому что человек как брал водку из-под полы 15 лет назад, так и продолжает брать у того же самого продавца. Представь деревню, где все друг друга знают. Приходит какой-нибудь Петрович в магазин, в который он каждый день приходит, и берет водку за 150 рублей из-под прилавка — он так много лет делает. Он-то думает, что продавец проверенный, да и сам продавец думает, что он проверенный, он же не сам эту водку разливает, он ее покупает где-то на складе в Орске, а там ему никто не скажет, что водку в соседнем гараже разлили, там скажут, что привезли из Казахстана. Поэтому и после того, как сейчас все затрубили об отравлениях, люди все равно продолжили пить и умирать. Народ у нас беспечный, и жадность в нем побеждает здравый смысл: «Столько лет покупал и было нормально, а сейчас вдруг что-то случится?»

Конечно, такую водку из-под полы берут люди небогатые — в основном в деревне и где-то на окраинах. Если человек получает нормальную зарплату, то он пойдет в «Красное&Белое» в городе и там купит, но и этот суррогат берут не какие-то алкоголики, а обычные работяги — алкаши фунфурики пьют.

И все это — машина, огромная коррумпированная система, которая на казахских дрожжах еще вспухла, и сейчас ее нельзя просто так взять и сдуть. Посуди сам: я участвовал как-то в рейде с одним участковым как журналист, мы ездили по точкам, где продавали «казашку», он что-то там изымал. Месяц назад я узнал, что его посадили. Оказалось, что он крышевал точку, где разводили водку, и получал с этой точки десятку (*десять тысяч рублей. —* **А.Р.**) в месяц. И сколько всего по городу таких точек?

Артем РАСПОПОВ, «Новая»
Фото **Михаила КУЗНЕЦОВА,**
специально для «Новой»

МИША, КОРРУПЦИЯ, ОККУПАЦИЯ

Грузия вышла на многотысячный митинг за Саакашвили. И показала «протест здоровой страны»

AP / TASS

Когда грузинская оппозиция перенесла свой «многотысячный протест» под лозунгом «Свободу Мише!» на четверг, 14 октября, я решила остаться в Тбилиси еще на 4 дня. И не пожалела: я увидела наконец протест «здорового человека». Просто цивилизованный протест в цивилизованной европейской стране, окрашенный грузинским колоритом. Если кто-то еще сомневается в том, что бывшая советская республика, устремившись когда-то к Европе, не дрейфует обратно в совок, ему надо было просто посмотреть на митинг, организованный грузинской оппозицией в поддержку Саакашвили на площади Свободы в центре Тбилиси.

Напомним, что экс-президент Грузии Михаил Саакашвили вернулся на родину, был арестован и с 1 октября находится в тюрьме. Он объявил голодовку, требуя справедливого суда, а грузинская оппозиция — «многотысячную акцию протеста», требуя «свободу Мише».

До митинга оставались сутки, а далеко не все сторонники Саакашвили верили, что акция в его защиту и вправду выйдет многотысячной. Четырьмя днями ранее, в воскресенье, у здания парламента защищать «Мишу» собралось меньше одной тысячи. «Подождите-подождите, все еще будет», — с досадой повторяли представители фан-группы Саакашвили. Один из них рассказывал мне, что масштабные акции есть, они проходят у тюрьмы, где сидит третий президент Грузии. Причем проходят каждый день. Последние слова он написал мне капслоком.

И я поехала к тюрьме.

В середине дня в среду на маленькой площадке у тюрьмы № 12 в Рустави действительно было много народу. Человек двадцать. Из них примерно семнадцать — журналисты с телекамерами, нацеленными на тюремную «проходную». Иначе не назовешь элегантный домик с прозрачными стенами на входе в зону. Два охранника пропускали туда всех, не спрашивая документов, но снимать просили издалека.

— Здесь тюрьма по всем европейским стандартам, — с гордостью показывали охранники рукой на «проходную» и детские качели в виде оранжевого зайца за ней, на колючую проволоку вдоль стены за зайцем и на аккуратные решетки на окнах за стеной.

В свободное от охраны тюрьмы время один из охранников подрабатывает в Тбилиси гидом, рассказывает туристам об истории и культуре Грузии, но из-за ковида, жаловался он мне, туристов мало.

— При Мише заключенный не мог обратиться к сотруднику тюрьмы без слова «батоно», господин, — с грустью продолжал охранник. — А теперь у них больше прав, чем у нас. А при Мише у нас и форма новая появилась, а то донашивали обноски.

Журналисты, добавил гид-охранник, дежурят здесь третьи сутки: ждут, что приедет кто-то из парламента или Мишин врач.

— Больше я вам даже вот так, по-дружески, ничего сказать не могу, — покрутил он головой.

Трое самых верных защитников Саакашвили дежурят здесь почти со дня его ареста. Ставят у ограды старенький «опель», спят в нем по очереди, обедают, приглашают журналистов угоститься курицей. Двоих из них, Тариела и Гиви, я знаю еще с воскресного митинга в Тбилиси. Сейчас с ними был третий — тоже, как оказалось, Тариел.

— Здесь по утрам очень много народу, очень много, — уверял меня Гиви. — Наверное, пятьдесят! Или сто.

— Это разве много? — удивилась я.

— Пятьдесят машин! — вмешался Тариел (второй), чтоб я не подумала, будто Мишу в Грузии недостаточно любят. — Каждый вечер приезжают. Акцию проводим, мы остаемся — они уезжают. Зачем всем здесь стоять?

Но когда я пообещала вернуться вечером, выяснилось, что как раз сегодня-то никто приезжать не планировал.

— Дорого людям ездить, понимаешь? — пристально смотрел на меня второй Тариел.

На следующий день я пошла к площади Свободы, ожидая снова увидеть разве что очень много коллег-журналистов.

> «ПРОСТО ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ ПРОТЕСТ, ОКРАШЕННЫЙ ГРУЗИНСКИМ КОЛОРИТОМ

Размер площади Свободы — без малого 10 тысяч квадратных метров. На одном квадратном метре свободно размещаются два человека средней комплекции, плотно — три. Вечером 14 октября от улицы Леонидзе до памятника Георгию Победоносцу (работа скульптора Зураба Церетели), а потом к проспекту Руставели мне пришлось протискиваться между людьми, державшими флаги Грузии и транспаранты с лицом ее третьего президента. Через четверть часа после начала акции там собралось больше 30 тысяч человек. Дальше потоки людей разлились, и по улицам, на Руставели толпа уходила на много сотен метров. Даже если не считать, что жители Тбилиси приходили и уходили, а из других городов люди подъезжали и подъезжали, там собралось никак не меньше 50 тысяч человек. А население всей Грузии — это примерно треть Москвы.

Вокруг площади стояли какие-то фантастические конструкции с прожекторами, и позже, когда стемнеет, здесь все равно можно будет снимать фото и видео без вспышки. По заказу организаторов митинга — оппозиционной партии, имеющей в парламенте меньше четверти кресел, партии президента-изгнанника, — их начали монтировать в центре столицы за день.

В скобках замечу, мой вопрос о том, как оппозиция согласовала массовое мероприятие, понимали только те грузины, что смотрят российское телевидение (оно в Грузии тоже вещает) и следят за российской политикой. А таких тут немного, в основном — недавние россияне. И найти на площади человека, который перевел бы мне, что говорят на сцене, было трудно. Люди постарше в Грузии неохотно переходят на русский — не потому, что не любят, а просто незачем, вот и стали забывать. Молодые люди легко переходят на английский, а русского часто не знают вовсе. Эту пуповину Грузия перерезала. Поэтому снова, как несколько дней назад у парламента, я понимала только слова: Миша, коррупция, оккупация, Россия, Путин. Но и так все было понятно.

Некоторые софиты поставили на пожарные машины, их выделила мэрия Тбилиси для митинга оппозиции. Со стороны Руставели тянулись ряды биотуалетов. Вверх уходили длинные колонны динамиков, из них сначала неслись песни, потом — речи лидеров оппозиции и самых ярых сторонников Саакашвили, потом опять песни. На сцене, украшенной грузинскими флагами и звездами ЕС, натянули огромный экран, чтобы больше людей видело выступавших. Когда со сцены заговорил известный в Грузии репер, демонстранты сильнее потеснились, и те, кому не протестуется под музыку просто так, принялись танцевать. Полицейский из оцепления, охранявшего порядок на митинге, размахивал в такт рэпу надкушенным батончиком «Сникерс».

Все рестораны и кафе, окружающие площадь, продолжали работать, там можно было просто присесть и отдохнуть, без заказа. Но я вот свободного места не нашла. На углу улицы Пушкина выстроилась очередь в мини-маркет. Маркет был настолько мини, что покупателей в масках туда запускали человек по семь, не больше, из-за пандемии. У меня на глазах молодые и горячие грузины покупали лимонад и минералку. Ни у одного я не увидела хотя бы пива. Там я опять встретила Тариела (второго), он обрадовался мне, как родственнице.

— А вы не верили! — радовался он. — Здесь тысяч сто, не меньше! Кто-то из Зугдиди привез пять тысяч человек, кто-то — сто человек из Мегрелии. Здесь со всей Грузии приехали! Местные скоро расходиться будут, а приезжим торопиться некуда.

Мимо нас к сцене пробиралась группа грузинских священников в черном. Тариел проводил их подозрительным взглядом.

— Грузинская церковь — это наша большая проблема, она очень консервативная. Но! — он радостно поднял вверх указательный палец. — Несколько митрополитов уже нас поддержали! Все понимают, что так не может продолжаться долго.

Я догнала священников и спросила, зачем они тут, за кого они?

— Мы ни за кого, мы за справедливость, — ответил самый старший. — Вот будет справедливый суд — это справедливость.

Совсем рядом две женщины обнимались.

— Вот эта сказала, что хочет плакать от радости, — перевел мне Тариел. — А та говорит, что давай поплачем вместе.

Потом я потеряла Тариела в толпе...

В девятом часу выступавших на сцене окончательно сменила музыка. Демонстранты сначала размахивали флагами, пританцовывая, потом площадь, не переставая петь и танцевать, стала все-таки потихоньку пустеть.

А на стену роскошного здания «Единого национального движения» в Тбилиси после возвращения Саакашвили его сторонники повесили огромный плакат с портретом президента-арестанта. Никто его почему-то до сих пор не сдернул.

Ирина ТУМАКОВА,
спец. корр. «Новой», Тбилиси

СЕКС БЕЗ ПРОСВЕТА

Россия догнала Африку по ВИЧ, и дело не в наркотиках

В России в 10 раз чаще заболевают ВИЧ, чем в Евросоюзе, заявили в Роспотребнадзоре в конце сентября. «Новая» изучила данные и готова дополнить: в некоторых регионах Урала и Сибири риск заразиться ВИЧ — выше и в 20, и в 35 раз, чем в Европе, и уже сравним со странами Африки. Объясняем в пяти графиках, как ситуация в нашей стране оказалась настолько запущенной.

С вирусом иммунодефицита в России живет уже более 1,1 миллиона человек — это равно населению крупного города, Перми или Омска. И это только официально учтенные. На самом деле ВИЧ-положительных может быть 1,5 миллиона. Ущерб для экономики от распространения вируса оценивается в 225,5 млрд рублей в год. Это прямые расходы государства на лечение, выплату пенсий по инвалидности, а также косвенные потери из-за преждевременной смертности, говорят в Роспотребнадзоре. Однако стратегия правительства по борьбе с ВИЧ не предусматривает кардинального улучшения ситуации и кажется экспертам неэффективной.

1. Еще одна пандемия

В России идет тихая эпидемия ВИЧ. Вирус иммунодефицита распространяется в разы быстрее, чем в европейских странах и даже на постсоветском пространстве. Такого числа новых случаев нет ни в Украине, ни в Турции, ни даже в Таджикистане, граничащем с главным производителем опиума в регионе — Афганистаном. Более того, в 2019 году Россия вошла в топ-25 стран мира, где ВИЧ распространяется быстрее всего, свидетельствуют данные ЮНЭЙДС. И в этом топе — только Россия и страны Африки.

Сравните, сколько человек с иммунодефицитом выявляют в Австрии (из топ-5 лучших стран по ситуации с ВИЧ в Западной Европе) и Португалии (из топ-5 худших) — стране, которая, как и Россия, пережила эпидемию потребления героина. Также мы взяли для сравнения Польшу, Турцию (из топ-5 худших в Центральной Европе) и Казахстан — антилидер в Средней Азии. Наконец, Зимбабве и Конго (из топ-20 стран), наиболее пораженных ВИЧ в мире (*см. график*).

Внутри России есть свой антирекордсмен — Кемеровская область. В этом регионе выявляют в три раза больше новых случаев, чем в среднем в стране. В прошлом году в Кузбассе было зарегистрировано 125 человек с ВИЧ-инфекцией на 100 тысяч населения. В допандемийном 2019-м — 171 новый случай. При этом по населению Кузбасс сопоставим с небольшой европейской страной: скажем, Словенией или Литвой. В Словении в 2019 году выявили 1,6 человека с ВИЧ на 100 тысяч населения. Это в сто раз меньше, чем в Кемеровской области.

Вадим ПОКРОВСКИЙ,
глава Федерального центра по борьбе со СПИДом, академик:

— У нас идет счет на десятки тысяч новых случаев. А, скажем, в Соединенном Королевстве в год выявляют 4,1–4,5 тысячи новых случаев. Еще меньше в Германии. А в сумме население этих стран сопоставимо с населением России. Но что там в Великобритании? Там пропаганда использования презервативов, программы по снижению вреда — профилактические программы среди мужчин, имеющих секс с мужчинами, сексуальных работников, наркопотребителей... Плюс с этого года у них введено обязательное сексуальное просвещение в школах. Страны Западной Европы много средств тратят на профилактические программы. А в нашей стране никаких подобных программ нет. Отсюда и возникает такая разница в цифрах.

2. 100 тысяч случаев в год

Первая волна распространения ВИЧ прокатилась по России во времена «героинового шика» — в конце девяностых. Тогда во всем мире, и в частности в России, выросло употребление инъекционных наркотиков, а тема наркозависимости проникла в массовую культуру. «Большинство заражений происходило через грязный наркошприц», — говорила об этом периоде главный санитарный врач Анна Попова.

Кроме того, с 1995 года государство начало массовое тестирование граждан: призывников, всех, кто попадает в тюрьмы, колонии и изоляторы временного содержания. Также на ВИЧ с тех пор обязательно тестируют доноров крови, беременных, хирургов и иностранцев, получающих разрешение на работу или на жительство. Возможно, резкий всплеск заболевания в конце девяностых был связан и с тем, что инфицированных просто начали массово выявлять.

В начале нулевых распространение вируса немного притормозило. Возможно, это связано с началом борьбы с наркотиками и с тем, что государству удалось выявить большинство инфицированных в 1990-е годы. Тем не менее уже с 2005 года заболеваемость снова начала расти. Оказалось, что сексуального просвещения не хватает не только подросткам, но и взрослым.

«Вторая волна была связана с тем, что ВИЧ вышел за пределы группы наркопотребителей и начал распространяться половым путем (*через незащищенные гетеросексуальные контакты. — Ред.*). Понимаете, те люди, кому сегодня 40–50, были молодыми в 1990-е, когда использование презервативов не было в ходу. И до сих пор молодежь более склонна, на мой взгляд, использовать презерватив, чем старшее поколение», — объясняет Андрей Злобин, генеральный директор H-Clinic, которая специализируется на лечении людей с ВИЧ.

В 2017 году число новых случаев передачи вируса достигло рекордных 107 тысяч человек. И к 2019-му снизилось до 97 тысяч. Однако насколько нынешнее снижение будет устойчивым, пока сказать трудно. С 2020 года из-за пандемии ковида сократились и контакты людей, и объемы тестирования, поясняют эксперты.

В любом случае, согласно официальной стратегии по борьбе с ВИЧ, ждать резкого падения распространения вируса не стоит. К 2030 году, судя по целевым показателям правительства, диагноз ВИЧ будет поставлен еще 580 тысячам человек.

3. Столицы ВИЧ — на Урале и в Сибири

Больше всего новых случаев — на Урале и в Сибири: в Кемеровской, Иркутской областях, Пермском крае. В Кузбассе и Иркутской области инфицирован вирусом уже почти каждый 50-й житель. То есть люди с иммунодефицитом наверняка есть в каждом многоквартирном доме или даже подъезде.

Такой уровень распространения вируса логичнее сравнивать не с Европой, а с маленькими и бедными странами Африки или Карибского моря. Доля ВИЧ-положительных в Кузбассе сопоставима с распространением вируса в Гамбии, Гаити, Белизе. И это — катастрофа.

Если нанести на карту регионы, где ВИЧ распространяется особенно быстро, можно увидеть отдельно Крым, Севастополь и целостный пояс из 15 регионов Среднего Поволжья, Урала и юга Сибири. В них проживает более полумиллиона ВИЧ-инфицированных.

Все эти регионы включают крупные города — экономические и промышленные центры. И все они сосредоточены вдоль границы с Казахстаном. Именно через границу с этой страной в Россию шел наркотрафик. Из Казахстана в девяностые и нулевые годы в Россию попадало 90% опиатов. С наркотиками (через общий шприц) распространялся и ВИЧ.

4. Обыкновенный контакт

В России принято думать о ВИЧ, как о болезни маргиналов. Но в последние пять лет ВИЧ перестал быть болезнью наркозависимых. Теперь чаще всего вирус передается через обыкновенный незащищенный сексуальный контакт.

Центр по профилактике и борьбе со СПИДом каждый год публикует данные о способах передачи ВИЧ. Примерно в половине случаев информации о путях передачи вируса нет. Однако из оставшейся половины 65% в 2020 году было связано с гетеросексуальными контактами. И только меньше трети — с употреблением наркотиков.

Вместе с тем наркозависимые люди и гомосексуалы остаются основной группой риска инфицирования ВИЧ. В этих группах случаев передачи в процентном соотношении гораздо больше. При этом профилактика передачи ВИЧ среди наркозависимых в России почти не ведется. Как правило, этим занимались НКО: они раздавали одноразовые шприцы и презервативы. За последние годы уже 15 таких НКО признали иноагентами, по данным ОВД-Инфо (также признанного иностранным агентом). Некоторые из них закрылись.

Кроме того, антиретровирусную, то есть подавляющую вирус терапию, в России получают только 55% от всех ВИЧ-положительных пациентов. Это значит, что остальные 45% потенциально продолжают передавать вирус другим людям.

Вадим ПОКРОВСКИЙ,
глава Федерального центра по борьбе со СПИДом, академик:

— Почему у нас появляются организации, которые получают деньги из-за рубежа? Да потому, что наше правительство и региональные власти очень мало денег дают общественным, да и государственным организациям на проведение профилактических мероприятий. Все средства брошены на закупку лекарств и обслуживание больных. На профилактику, то есть на предупреждение новых случаев, по данным Аналитического центра при правительстве, идет меньше 1% всех средств.

5. Вирус становится старше

Еще один миф: ВИЧ — болезнь молодых. Так было двадцать лет назад. В 2000 году четверть заразившихся составляли подростки 15–20 лет. Теперь все иначе. В 2019 году (это самые свежие опубликованные данные) 40% новых случаев было зафиксировано в группе возрастом от 30 до 40 лет. И столько же — в группе старше 40.

Подростки из девяностых повзрослели. Например, в группе 35–39 лет 2,6% россиян ВИЧ-положительны. Условно говоря, если собрать пару бывших групп колледжа по 20 человек каждая, то один из выпускников окажется носителем ВИЧ.

Среди мужчин от 40 до 44 лет, по статистике, имеют ВИЧ и вовсе 3,4%. То есть один из 32 мужчин этого возраста иммунодефицитен. И это число будет становиться все больше, потому что вирус как раз и распространяется в этих возрастных группах.

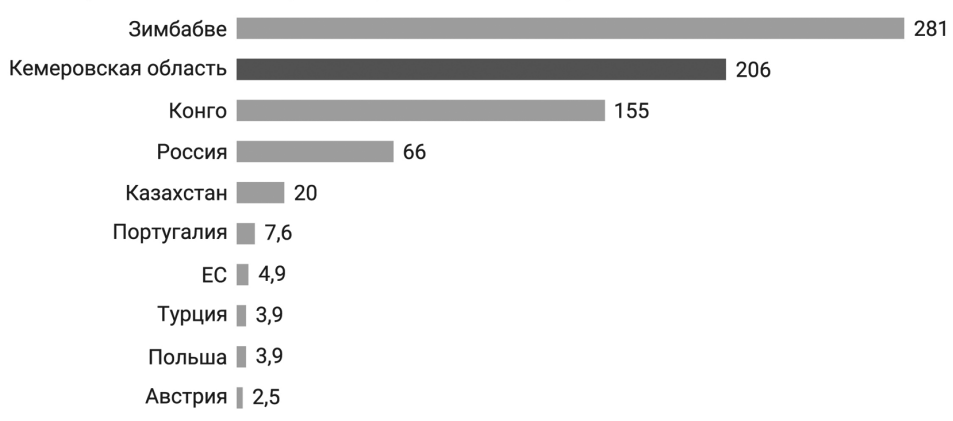
Андрей ЗЛОБИН,
генеральный директор H-Clinic:

— Основная значимая проблема программ тестирования, профилактики и лечения ВИЧ-инфекции — это всегда вопросы стигмы. Из-за нее люди не хотят тестироваться. А есть люди, которые так боятся огласки, что не хотят, боятся обращаться за лечением и приходят только тогда, когда их прижмет, когда им плохо. (*Это подтверждают и сами ВИЧ-инфицированные. —* Ред.)

В 2016 году мы проводили опрос в рамках казанского марафона, а это как раз люди социально активные, достаточно взрослые, за 30. И эти люди нам отвечали, почему они не сдают регулярно тест на ВИЧ: потому что неудобно прийти в поликлинику и сказать терапевту, что хочешь протестироваться на ВИЧ. Поэтому вопрос жизни с ВИЧ — это всегда вопрос стигмы.

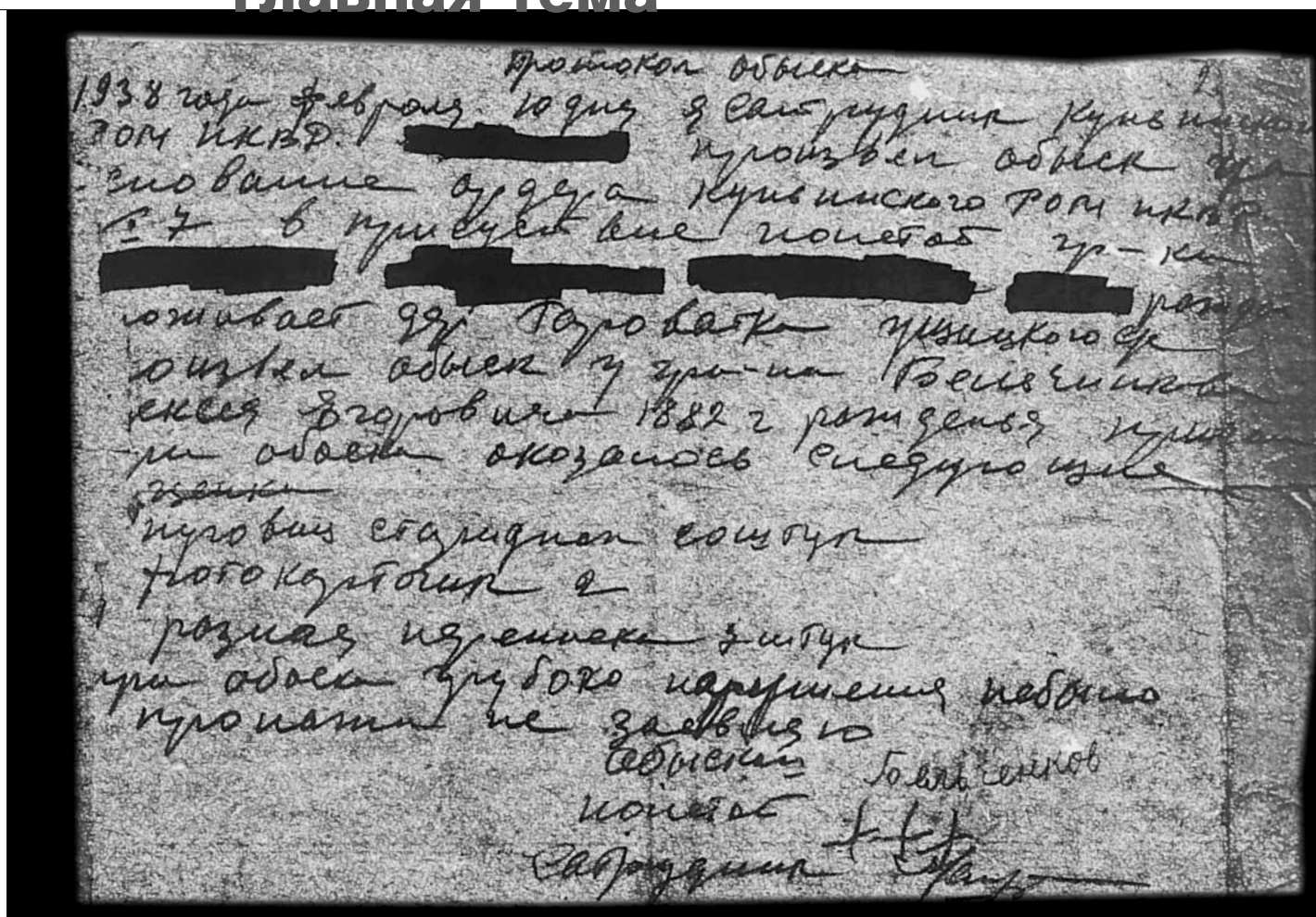
Рекордсмены по ВИЧ

В Кемеровской области риск заразиться — в 35 раз выше, чем в ЕС



Новые случаи в 2019 году на 100 тыс. населения
Источник: ВОЗ, UNAIDS, ФНМЦ по профилактике и борьбе со СПИДом

Антонина АСАНОВА, «Новая»
Редактор **Арнольд ХАЧАТУРОВ**
При участии **Татьяны ЗЕЛЕНКОВОЙ**



Документы из псковского архива УФСБ с вымаранными фамилиями

Офицеры ФСБ вымарывают из уголовных дел имена сталинских палачей, чувствуя себя их преемниками

ШТРИХ

«Пуговиц 20 штук, фотокарточек 2, разная переписка 3 штуки. При обыске грубого нарушения не было». Владелец 20 пуговиц георгиевский кавалер Алексей Бельченков домой не вернулся — сгинул в лагерях Коми. Его брата Анисима расстреляли через месяц. У Анисима дома при обыске не нашли вообще ничего — так и указано в протоколе. Реабилитированы оба в 1989-м. Из выданных родственникам копий дел можно узнать, как председатель сельсовета назвал братьев кулаками, как оба они не признали вины ни в антисоветской агитации, ни в поджоге колхозного сена, ни в потраве полей. Но нельзя узнать, кто допрашивал, судил и расстреливал: имена чекистов заботливо скрыты от чужих глаз.

Москвич Игорь Яковлев увлекается генеалогией. Восстанавливая историю семьи, они с женой и истребовали дела репрессированных родственников (Анисим Бельченков — прадед Татьяны). Дела из псковского архива УФСБ пришли прошлым летом. С вымаранными фамилиями.

Так, например, начинается протокол обыска: «1938 года февраля 10 дня, я, сотрудник Куньинского РО НКВД [фамилия скрыта], произвел обыск на основании ордера Куньинского РО НКВД № 7 в присутствии понятой гр-ки [фамилия, имя, отчество и год рождения скрыты]. Проживает в дер. Гороватка Ушицкого с/с. Произвел обыск у гр-на Бельченкова Алексея Егоровича, 1882 г. рождения». Автор обвинительного заключения, согласно этим документам, выглядит так: «пом. о/уполномоченного УГБ Куньинского РО УНКВД по Калининской области [звание скрыто] гос. безопасности [фамилия скрыта]».

Где-то фамилии причастных к преступлению — а фабрикация заведомо ложных уголовных дел есть преступление — при копировании закрыты полосками бумаги, а где-то замазаны маркером. Похоже, умышленно поврежден сам оригинал документа: в самом деле, не делали же фээсбэшные архивариусы двойных копий — чистую, которую затем подвергали корректуре, а с нее уже второй экземпляр для отправки родственникам репрессированных? Уж больно сложная технология, зачем? Значит, вполне могли мазать в оригинале, чтоб уж наверняка и никому.

То, что стыдливые заплатки в документах — не эксцесс исполнителя, а позиция ведомства, подтвердила практика. Судебная. Яковлев, получив документы с купюрами, затребовал полную версию. Получил отказ от УФСБ по Псковской области со ссылкой на закон, по которому сведения о сотрудниках ведомства не разглашаются. Этот отказ, фактически подтвердивший, что псковские кадры ФСБ считают себя наследниками «славных традиций» НКВД, Яковлев обжаловал в Управлении регистрации и архивных фондов ФСБ России. Но и там выступили за преемственность поколений.

А позже военная прокуратура Псковского гарнизона сформулировала свою, согласную с секретной службой позицию. Формулировки прокурорского письма сводятся к следующему: Федеральная служба безопасности стоит на страже чести и достоинства сотрудников, а коли их за фальсификацию дел не осудили, то, значит, и доброе имя не стоит марать. При этом прокурор Ратников (благо хоть имена современников в погонах пока не вымараны из документов) ссылается на закон «О реабилитации жертв политических репрессий», согласно которому предусмотрена публикация сведений о признанных виновными в фальсификации дел, применении незаконных методов расследования, преступлениях против правосудия. А проведя проверку, псковские прокуроры не установили, что причастным к аресту Бельченковых выносились приговоры за таковые деяния.

Интересно, кстати, отчего в ходе проверки эти самые псковские прокуроры, узнав, что причастные к политическим репрессиям (уж это точно установлено прокурорским актом 1989 года) избежали уголовных дел, эти уголовные дела не потребовали завести? Да, сроки давности, но черное черным, а белое белым назвать должно.

Тут стоит приостановиться. Много ли мы знаем судебных процессов над палачами? Чрезмерно отличившихся свои же судили, а некоторых и расстреливали после упразднения «троек» — это факт известный. Главный палач Лубянки Блохин был уволен со службы с благодарностью, впрочем, вскоре лишен наград и званий, но умер в собственной постели. Вслед за расстрелами Ягоды, Ежова, Берии следовали расстрелы в их окружении. Но вся эта «чистка рядов» — из разряда внутривидовой борьбы. Публичное же признание государством факта политических репрессий и прав жертв на реабилитацию не повлекло судов над дожившими. У них не отняли ни орденов, ни пенсий. Их даже не назвали поименно.

Да, часть материалов доступна благодаря открытым Украиной, Грузией, Латвией архивам республиканских КГБ. Да, есть список «Мемориала» (мы вынуждены упоминать, что Минюст считает организацию «иностранным агентом»), в котором 40 тысяч человек, умывших страну кровью (работа Андрея Жукова «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939»).

Но публичного и открытого процесса, который раз и навсегда поставил бы точку в попытках реставрировать ЧК, страна не знала и не знает до сих пор.

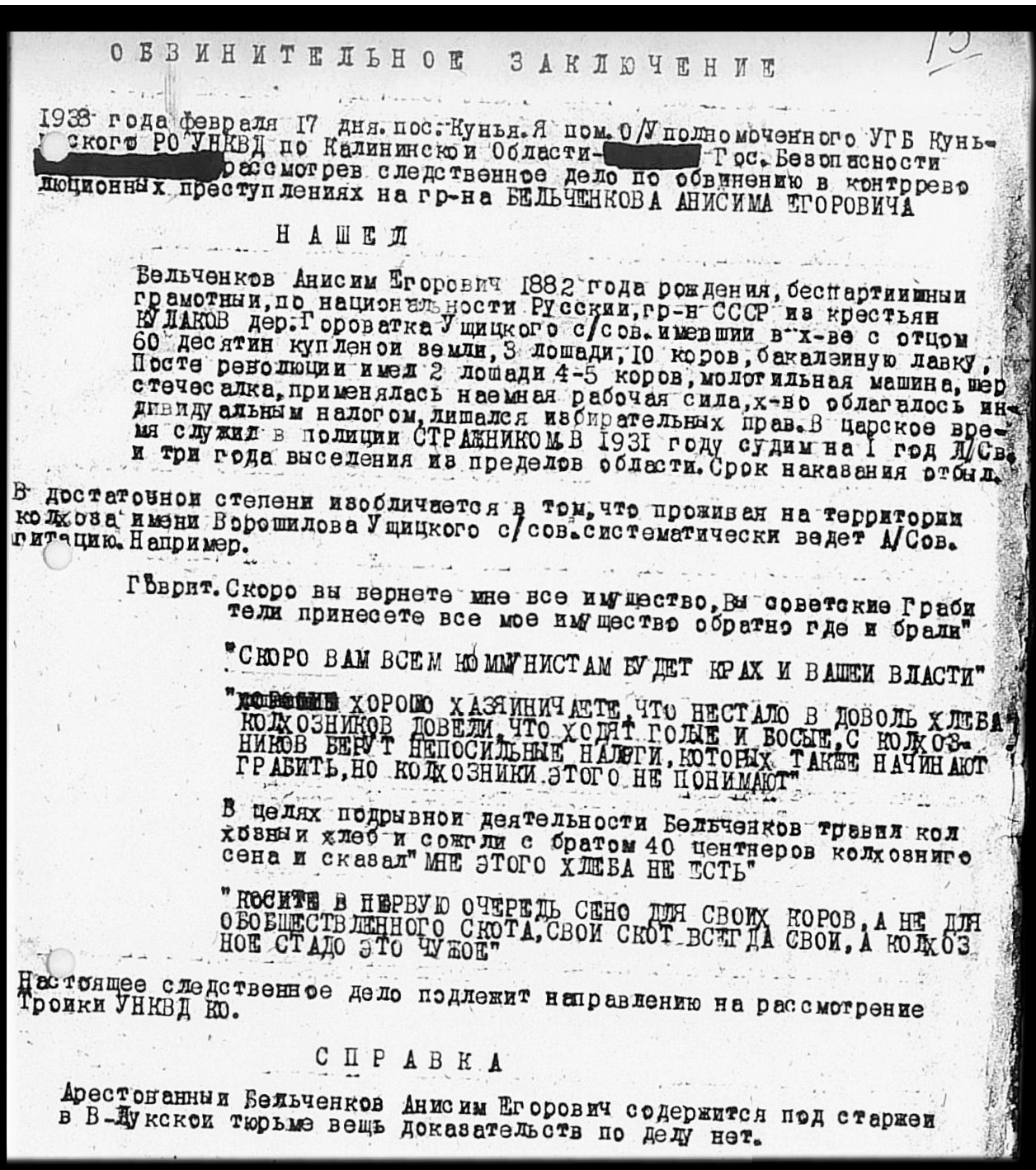
И вот прокурор Ратников не дрогнув пишет, что, согласно ст. 6 закона о ФСБ, «полученные в процессе деятельности органов ФСБ сведения о частной жизни, затрагивающие честь и достоинство гражданина или способные причинить вред его законным интересам, не могут сообщаться органами ФСБ кому бы то ни было без добровольного согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами». То есть арест по липовому обвинению и дальнейшая гибель двух человек, преступление которых состояло в том, что им не хотелось в колхоз, это эпизоды частной жизни товарищей офицеров. И на страже этой частной жизни стоит государство в лице прокуратуры и ФСБ. Пассаж о чести и достоинстве, согласитесь, не менее изящен.

С этим — о чести, достоинстве и частной жизни — документом рядом надо поставить обвинительное заключение пера неизвестного автора:

«Бельченков Анисим Егорович 1882 года рождения, беспартийный, грамотный, по национальности русский, гр-н СССР из крестьян КУЛАКОВ дер. Гороватка Ушицкого с/сов., имевший в х-ве с отцом 60 десятин купленной земли, 3 лошади, 10 коров, бакалейную лавку, шерсточесалку, применялась наемная рабочая сила, х-во облагалось индивидуальным налогом, лишался избирательных прав. В царское время служил в полиции стражником.

В достаточной степени изобличается в том, что, проживая на территории колхоза имени Ворошилова Ушицкого сельсовета, систематически ведет антисоветскую агитацию. Например, говорит: «Хорошо хозяйничаете, что не стало вдоволь хлеба. Колхозников довели, что ходят голые и босые. С колхозников берут непосильные налоги, которых также начинают грабить, но колхозники это не понимают».

15 апреля 2021 года в Кунцевский районный суд Москвы был подан иск к псковскому управлению ФСБ. В иске указывалось, что ФСБ России — правопреемник Федеральной службы контрразведки (ФСК), а не НКВД. Поэтому скрывать имена чекистов, ссылаясь на ФЗ «О ФСБ», незаконно. 21 июня



ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1938 года февраля 17 дня. пос. Кунья. Я пом. О/Уполномоченного УГБ Кунь-
ского РО УНКВД по Калининской Области- [redacted] Гос. Безопасности
[redacted] рассмотрев следственное дело по обвинению в контрреволюционных преступлениях на гр-на БЕЛЬЧЕНКОВА АНИСИМА ЕГОРОВИЧА

НАШЕЛ

Бельченков Анисим Егорович 1882 года рождения, беспартийный грамотный, по национальности Русский, гр-н СССР из крестьян КУЛАКОВ дер. Гороватка Ущицкого с/сов. имевший в х-ве с отцом 60 десятин купленой земли, 3 лошади, 10 коров, бакалейную лавку, После революции имел 2 лошади 4-5 коров, молотильная машина, шерстечесалка, применялась наемная рабочая сила, х-во облагалось индивидуальным налогом, лишался избирательных прав. В царское время служил в полиции СТРАЖНИКОМ. В 1931 году судим на 1 год Л/Св. и три года выселения из пределов области. Срок наказания отбыл.

В достаточной степени изобличается в том, что проживая на территории колхоза имени Ворошилова Ущицкого с/сов. систематически ведет А/Сов. гитацию. Например.

Говорит. Скоро вы вернете мне все имущество, Вы советские Грабители принесете все мое имущество обратно где и брали"

"СКОРО ВАМ ВСЕМ КОММУНИСТАМ БУДЕТ КРАХ И ВАШЕЙ ВЛАСТИ"

"[redacted] ХОРОШО ХАЗЯИНИЧАЕТЕ, ЧТО НЕСТАЛО В ДОВОЛЬ ХЛЕБА КОЛХОЗНИКОВ ДОВЕЛИ, ЧТО ХОДЯТ ГОЛЫЕ И БОСЫЕ, С КОЛХОЗНИКОВ БЕРУТ НЕПОСИЛЬНЫЕ НАЛОГИ, КОТОРЫХ ТАКЕТ НАЧИНАЮТ ГРАБИТЬ, НО КОЛХОЗНИКИ ЭТОГО НЕ ПОНИМАЮТ"

В целях подрывной деятельности Бельченков травил колхозный хлеб и сжегли с братом 40 центнеров колхозного сена и сказал" МНЕ ЭТОГО ХЛЕБА НЕ ЕСТЬ"

"КОСИТЕ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СЕНО ДЛЯ СВОИХ КОРОВ, А НЕ ДЛЯ ОБОБЩЕСТВЛЕННОГО СКОТА, СВОИ СКОТ ВСЕГДА СВОИ, А КОЛХОЗНОЕ СТАДО ЭТО ЧУЖОЕ"

Настоящее следственное дело подлежит направлению на рассмотрение Тройки УНКВД КО.

СПРАВКА

Арестованный Бельченков Анисим Егорович содержится под стражей в В-Лукской тюрьме вещь доказательств по делу нет.

БРЕЙКЕРЫ

Кунцевский районный суд в удовлетворении иска отказывает. 16 июля готовившая иск «Команда 29» вынуждена самораспуститься после обвинений от Генпрокуратуры в сотрудничестве с нежелательной организацией. 13 октября Мосгорсуд отказывает в удовлетворении апелляционной жалобы. К тому времени уже известно: в конце прошлого года псковское УФСБ от греха подальше приняло решение о сохранении ограничений на ознакомление и публикацию персональных данных сотрудников НКВД из всех дел репрессированных.

В ходе процесса представитель ФСБ отказывается от идеи правопреемства, зато сообщает, что сведения о сотрудниках НКВД не подлежат разглашению, так как последние являлись военнослужащими. Но и это неправда: до 1943 года сотрудники НКВД военнослужащими не были.

Но и такой версии Игорь Яковлев отчасти рад: «Меня до глубины души возмущали слова о правопреемнике. Это непостижимо — сознательно придумывать такие связи с теми, кто творил произвол». Он считает, что попятная в суде — своего рода символ.

Для Игоря эта история личная вдвойне: занимаясь генеалогией, он обнаружил, что один его прадед — волоколамский железнодорожник Ефрем Палагин — был жертвой репрессий, а другой — двоюродный, иркутянин Иосиф Береза — репрессиями руководил. Историю иркутского майора госбезопасности он опубликовал без купюр — все, что сумел разыскать.

«Это шокировало абсолютно. Я ничего про этого человека раньше не знал. Нашел документы. Он руководил корейской и китайской операцией. Там были сотни людей, жестоко уничтоженных. Я мучился, переживал, а потом подумал, что нет, надо быть последовательным, нужно опубликовать. Раз я требую биографии этих людей и считаю, что они должны стать достоянием общественности, нужно подать пример. Я собрал его фотографии, опубликовал на своем сайте, сделал доклад об этом. Это все сложнее, чем «позор семьи». Я, например, знаю, что когда мой прадед ушел на войну в 1943-м, то он семью отправил в Иркутск. И тот самый человек, брат прадеда, помог им выжить. Все слишком сложно, чтоб искать простых оценок. И вот об этом нужно говорить, потому что человеческое измерение позволит обществу осмыслить травму, пережить, преодолеть».

Чтобы пережить травму, надо ее осознать. Но государство планомерно и постепенно пытается вытеснить ее на периферию общественного сознания, закрывая, запрещая и засекречивая.

После недолгого периода гласности с середины 90-х архивные дела стали выдавать только после подтверждения родства с репрессированным. Ссылаются все так же на тайну частной жизни. Кажется, будто никто в стране коммуналок так не уважает приватность, как ФСБ.

Если с момента событий прошло более 75 лет, читать архивные документы теоретически может каждый. Но сначала напиши ходатайство, обоснуй — а уж потом узнай, что дела, рассекреченные прежде, засекречены вновь. Бессрочно.

Например, вот так: «Сообщаем, что в следственное дело были приобщены документы, содержание которых решением экспертной комиссии УФСБ от 30 октября 2015 года было отнесено к сведениям, составляющим государственную тайну и не подлежащим рассекречиванию». Такой ответ «Новая газета» получила от мурманского УФСБ, когда мы хотели ознакомиться с историями репрессированных по делу о «саамском заговоре», по которому в 1938 году были осуждены 28 человек саамской интеллигенции (15 из них — расстреляны). Это дело давно было рассекречено, по его материалам даже повесть написана. Но в 2015 году вновь спрятано под спуд — навечно.

Или так: «С целью исследования литературного произведения, автором которого вы являетесь, УФСБ России по Мурманской области назначено лингвистическое исследование. Согласно выводам психолого-лингвистического исследования экспертов, в книге содержатся признаки экстремизма». Это из ответа областной прокуратуры на запрос Агнессы Хайкары, автора книги о репрессированных финских и норвежских колонистах.

Книгу год назад изъяли прямо из типографии под предлогом расследования некоего мошенничества. Хайкара пыталась освободить тираж. И на днях ей выдали такое. «Это абсурд, конечно, какой экстремизм?» — Агнесса с трудом подбирает слова. Книга выросла из истории ее семьи, основана только на рассекреченных документах, часть из которых сами же архивариусы ФСБ выдали Агнессе по запросу. Просто в ней — самый полный список уничтоженных семей. И имена тех, кто арестовывал и допрашивал.

Агнессу от допросов спасли, можно сказать, погибшие предки: накануне событий она, не подозревая ни о чем, поехала работать в финские архивы — писать продолжение. С тех пор в Россию не возвращалась, потеряв работу в Мурманске и находясь фактически на иждивении у родных. Она с горечью говорит, что история ее семьи повторяется — арестована даже память о ее замученных родственниках, а сама она в изгнании.

Ежели вы все же попадете в архив, за тем, как вы читаете дело расстрелянного прадеда, будет пристально следить специальный сотрудник. И читать вы будете ровно столько, сколько у него будет времени. «Наедине с делами меня не оставляли ни на минуту, — говорит мне коллега, несколько лет назад работавшая над исследованием о судьбах репрессированных мурманчан. — Часть страниц сотрудница закрывала белыми листами бумаги. Почему? Там фамилии сотрудников. «У них же дети, родственники, некоторые у нас работают» — такое объяснение».

Дети и сами иногда участвуют — на Дениса Карагодина, жителя Томска, который расследует обстоятельства расстрела своего прадеда, уже дважды подавали заявления. В одном случае — сын причастного к казни сотрудника НКВД, в другом — бдительный (и хорошо информированный) гражданин. По первому, как сообщается на сайте исследователя, в возбуждении дела отказано, исход рассмотрения второго неизвестен. Обвинения все те же: нарушение тайны частной жизни, клевета, разглашение гостайны.

Чего хотят от Карагодина, Яковлева, Хайкары, «Мемориала» (признанного «иноагентом»), Дмитриева? Права на забвение для палачей. Любителей расстреливать в кожаных фартуках. Умельцев, хвалившихся навыком тратить не больше минуты на удушение одного арестанта. Выносивших приговоры за четверть часа. Право на забвение для них — иммунитет для тех, кого вдохновляет их пример. Страна заходит на второй круг...

Этой осенью историк Сергей Прудовский подал в Верховный суд иск об отмене отдельных положений президентского указа 1995 года о гостайне и приказа ФСБ, которые позволяют засекречивать в архивных документах фамилии сотрудников НКВД. Причина — вымаранные имена в документах «харбинского дела», по которому было репрессировано 33 тысячи человек: 21 тысяча из них расстреляна. Заседание назначено на 8 декабря.

Татьяна БРИЦКАЯ,
соб. корр. «Новой» по Заполярью

ВСЕХ ВЗДЕРНУТ НА

«Иноагентом» рано или поздно признают любого из вас — это новый вид гражданской казни. Интервью с главой Центра защиты прав СМИ* Галиной Араповой**

Ряды «иностранных агентов» в России ширятся каждую неделю, и Министерство юстиции все больше сосредотачивается не на организациях, а на конкретных людях — правозащитниках, журналистах, общественных деятелях. Новый статус разом перечеркивает их прежнюю жизнь. Одна из таких людей — юрист Галина Арапова, которая возглавляет Центр защиты прав СМИ. Для нее это «иноагентство» второе: сам центр признали таковым в 2015 году, руководительница получила это «звание» в нынешнем октябре. Арапова — фигура максимально известная даже в мировой правозащите, она эксперт Совета Европы, и действия Минюста ее не удивляют. Более того, она намерена продолжать борьбу с дискриминационными законами об иноагентах — теперь пользуясь собственным опытом. Правоприменение оставляет силовикам и чиновникам большой маневр для трактовки того, кто должен оказаться следующим «врагом». В большом интервью «Новой» Галина Арапова рассказывает, кто находится в зоне риска, какие эксперты придумывают законы, в которых никто не может разобраться, и с какими проблемами столкнутся те, кого все-таки внесут в реестр физлиц-«иноагентов».

От редакции:
Героиня этого интервью — человек, который в соответствии с новыми законами РФ обязан везде указывать: «ДАННОЕ СООБЩЕНИЕ (МАТЕРИАЛ) СОЗДАНО И (ИЛИ) РАСПРОСТРАНЕНО ИНОСТРАННЫМ СРЕДСТВОМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА, И (ИЛИ) РОССИЙСКИМ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА».

«Роскомнадзор суды не проигрывает»

— В своем монологе для проекта «Гласная» вы сказали, что в судах, где свои права отстаивают журналисты, государство ведет спор с самим собой: встретились два чиновника и договорились.

— Это даже не спор получается, а междусобойчик такой.

— Это было в тот момент, когда «иноагентом» был уже признан центр, но еще не вы. Сколько тогда в среднем дел вы выигрывали в такой ситуации?

— Этот статус не влияет на конечный результат. И мое «иноагентство» сейчас не влияет. В судах по-другому все работает. Там не проверяют, условно говоря, адвокат ты или юрист правозащитной организации — «иностранного агента». Хотя должна сказать, что за последнее время нам встречались такие оппоненты в суде, которые использовали подобный аргумент, но судьи, надо сказать, на это как-то смотрят скептически. Судьям надо отдать должное, они обычно говорят, что это не имеет значения по существу дела. Вот доверенность у человека есть, юридическое образование есть, какие вопросы? Сейчас у нас идет судебный процесс, в котором представитель истца бьется просто в падучей, она там в истерику впадает, что и сам журналист — «иностранный агент», и его редакция — «нежелательная», и вообще кошмар, посмотрите, с кем мы связались, да как мы вообще можем! И это они еще не знали, что юрист представляет организацию — «иностранного агента», я думаю, что к следующему заседанию она еще и это в качестве аргументации добавит. Но все-таки это не отражается на существе спора, именно этот аргумент. Потому что мы, как правило, в суде достаточно убедительны, у нас опыт хороший. И даже если судья будет прислушиваться к этим странным аргументам, то все равно у него будет возможность оценить нас как профессионалов, как юристов.

Проблема в другом. Надо смотреть на то, как меняется в целом правовое регулирование работы журналистов. Мы видим, что в делах о защите чести и достоинства, а мы их ведем 25 лет, у нас всегда был и остается хороший процент выигрыша. Пока не было этих мутных времен, когда началось ужесточение законодательства о СМИ, судьи более уважительно, так скажем, относились к практике Европейского суда, и сигналы сверху — из Верховного суда, из Конституционного суда — шли несколько другие. А сейчас — опять откат назад. Состав судей сильно поменялся, очень много пришло молодых людей, которые раньше были помощниками судей, секретарями судебных заседаний. И мы все чаще слышим странные заявления типа: «А что, Россия еще не вышла из Совета Европы?» или «А что, разве мы обязаны применять европейское законодательство? У нас же есть свой Гражданский кодекс», «А что вы нам ссылаетесь на какие-то там законы других стран?» К сожалению, это означает, что юристы, которые оказались в мантии судьи в этом конкретном суде, не очень квалифицированны.

— Зато они слышали про поправки в Конституцию и приоритет национального законодательства над международным.

— Вот! И они даже не пытаются разобраться в том, что эта поправка ничего, по сути, не меняет. Потому что 15-я статья Конституции изменена не была, а 79-я, в которую внесли поправку, никакого влияния на приоритет норм на самом деле не имеет.

Изменилась очень сильно расстановка сил между редакциями и юристами с одной стороны, и Роскомнадзором — с другой. Роскомнадзор не просто окреп, он расправил крылья и стал значимым цензурным ведомством. Юристы РКН, даже когда видно, что они не так уж и опытны, все равно довольно пафосно заявляют: «Роскомнадзор суды не проигрывает». И это произносится вслух не потому, что они хорошие юристы и демонстрируют какое-то невероятное ораторское искусство в суде, а потому, что им суды как раз подыгрывают. Это и есть междусобойчик. Пришел чиновник в суд, а суд себя тоже воспринимает как чиновника. Получается, что ты не участвуешь в состязательном процессе, а фактически присутствуешь при избиении младенцев. Только младенец — ты, и тебя избивают одновременно и судья, и чиновник.

— И еще получают от этого удовольствие.

— Какое-то, видимо, да. Каждый считает, что он выполняет государственный долг, а ты тут вот просто пришел и пытаешься рассказать о том, что цензура — это плохо, что на самом деле интернет — это площадка для свободы слова. Для них это все зло, и цензура — это единственный инструмент, который это зло может сдержать. Они искренне в это верят или делают вид, что верят, потому что зарплату за это получают.

Сейчас очень маловероятно, что спор с Роскомнадзором закончится как-то иначе, чем в его пользу. И поэтому почти все судебные дела, связанные с РКН — а их стало огромное количество, — с самого начала становятся стратегическими. Ты понимаешь, что проиграешь Роскомнадзору в Тверском районном суде города Москвы, и просто сразу ведешь это дело с прицелом на Европейский суд. Это уже становится рутиной, рвать душу и переживать по поводу того, что судья всегда подыгрывает Роскомнадзору, не надо. Надо вложиться в это дело грамотной правовой аргументацией, эта игра будет вдолгую.

«Власти придумали паранойю про кольцо врагов и верят в нее»

— Статус иноагента лично для вас — это месть за что-то конкретное или «клеймо по совокупности»?

— Я не знаю, что у них в головах, и вообще очень трудно представить, кто те люди, которые вписывали мое имя, и что им не понравилось в моих комментариях. Может, я им сама лично не нравлюсь, или им не нравится, что я возглавляю организацию правозащитную, или конкретная фраза им не понравилась. Пытаться это понять бессмысленно.

— Какое у вас конкретно иностранное финансирование?

— Я возглавляю правозащитную организацию, у которой есть благотворительные гранты. Невозможно работать в некоммерческом секторе, заниматься защитой прав человека на чисто коммерческой основе, потому что мы работаем с такими темами, за которые обычно люди не готовы платить. Это не межевание земельного участка и не нотариальная деятельность, где есть четкая ставка за работу юристов. Правозащитная деятельность предполагает определенную работу pro bono, потому что она выстроена в защиту общественного интереса. Многие наши клиенты — журналисты из небольших редакций или блогеры какие-нибудь районные, у них нет возможности оплатить консультацию или помощь хорошего юриста. Поэтому мы работаем в защиту прав человека, а для этого мы должны как-то финансировать свою работу. Эти средства черпаются, как и во всем мире, из разных благотворительных источников, для того чтобы мозаично обеспечить функционирование офиса, зарплаты сотрудникам, выплату налогов.

У нас есть эти деньги, мы никогда этого не скрывали, и это нормальная, здоровая практика для всего некоммерческого сектора, что бы ни говорило государство. Ему не нравится, что мы деньги берем у других? Но мы и у него не можем брать эти деньги, потому что очень часто нашими оппонентами в суде выступают как раз госорганы, и было бы совершенно нелогично нам идти в суд, получая государственные деньги и выступая на противоположной стороне в споре с государством. Так не бывает.

— Значит, в России НКО не может прожить без иностранных грантов в принципе?

— Я вам даже больше скажу: нигде в мире НКО не может прожить без грантов. Проблема лишь в том, что в других странах иностранное финансирование не считают токсичным, а у нас считают. Раньше у нас тоже так не считали, и государственные чиновники российские — те же судьи, полицейские, прокуроры — на средства иностранных благотворительных организаций ездили

** Центр защиты прав СМИ признан Минюстом «иноагентом».*

*** Галина Арапова признана Минюстом СМИ-«иноагентом».*

Арден АРКМАН — «Новая»

РЕЕСТРЕ

перенимать опыт в другие страны, а государственные библиотеки пополнялись книгами, изданными на деньги различных международных благотворительных фондов. Потом их, правда, начали сжигать, но...

— Прямо сжигать?

— Прямо уничтожать, да. Если они изданы «нежелательной организацией» и в выходных данных об этом написано, распространение таких книжек относится к участию в деятельности «нежелательной организации». Директор библиотеки либо садится, либо удаляет эти книги из своего фонда — что он, собственно, и делает. У нас придумали эту паранойю, что мы живем в кругу врагов, и власти сами верят, что если ты получаешь откуда-то деньги, то свято служишь тем людям, которые тебе платят. Они просто живут в другом совершенно измерении, не понимая, что можно работать не потому, что тебе кто-то платит, а потому, что ты искренне веришь в то, что ты делаешь. Власть же все время об этом говорит: «Ваши заказчики». Нет заказчиков. Единственный заказчик у правозащитной организации — это общество.

По поводу того, что у меня еще есть лично. У меня есть зарплата от моей организации, и они считают это иностранным финансированием. Я эксперт Совета Европы и иногда делаю какую-то экспертную работу на международном уровне, за что мне платят гонорар как за научный труд.

— Вы бы готовы были отказаться от этой работы?

— Зачем?

— А взамен с вас снимут этот статус.

— Не понимаю, почему нужно стыдиться, что я эксперт на международном уровне, и почему я должна делать для всех работу бесплатно? Я не вижу, от чего нужно отказываться для того, чтобы просто с меня сняли этот статус. Ну ок, пусть будет статус. Я горжусь тем, что являюсь экспертом в своей сфере, я для этого много работала и много училась — больше, чем те люди, которые мне этот статус дали.

Помимо этого, я лектор в нескольких университетах — и не всегда российских. Опять же, потому что я что-то знаю, и мои знания востребованы. И, естественно, в нормальных отношениях, если вы преподаете на журфаке какого-нибудь российского университета, вам платят зарплату? Платят. Почасовую, маленькую, но платят. Точно так же платят и другие университеты, когда они привлекают преподавателей к своей работе.

— А как же «где родился, там и пригодился»?

— Здесь я тоже пригодилась, преподаю на воронежском журфаке, пока не выгнали. С другой стороны, я вот как раз поэтому и здесь до сих пор и никуда не уехала, потому что согласна, что мой опыт и мои знания полезны здесь. Поэтому «где родился, там и сгодился» вполне ко мне подходит, иначе я уже давно могла бы с моим образованием, опытом и рабочим английским языком сидеть в другой стране.

«Ковыряние в грязном белье неприлично для государства»

— Вы уже начали инстинктивно считать, сколько вы тратите на кофе, покупки, проезд? Это же все теперь нужно прописывать.

— Пока, по крайней мере, требуется не подробный отчет с чеками, а укрупненный отчет указания направлений расходования ваших средств. Примерно так это происходит в мобильном приложении банка, когда у вас диаграмма высвечивается по итогам ваших расходов за месяц: столько-то вы потратили на коммунальные платежи, столько-то на супермаркеты, столько-то на поездки.

— Давайте конкретную ситуацию разыграем. Вот если я сейчас вас угощаю кофе...

— Вам за это ничего не будет.

— А если я не гражданин России? Не считается ли, что вам таким образом была оказана иностранная помощь?

— У нас вообще четыре варианта разных «иностранных агентов» может быть. То, что касается иностранной помощи — это иностранные либо финансовые средства, организационно-методическая помощь от иностранного источника, и имущество еще может быть. Кофе — это не имущество. Вот если вы мне, например, телефон свой отдадите для работы или компьютер предоставите — да, это могут рассматривать как финансовую помощь в имущественном эквиваленте — учитывая, что вы гражданин Казахстана.

А вот в «закон Димы Яковлева», который поправили в прошлом декабре, ввернули формулировку «организационно-методическая помощь». И вот это совершенно непонятно что. Кофе, наверное, не будет признано организационно-методической помощью, а вот если, например, вы являетесь каким-нибудь очень видным экспертом из Казахстана, а я журналист, и я беру у вас комментарий и его встраиваю в свой текст, то это вполне может рассматриваться как организационно-методическая помощь. Или, например, вы каким-то иным образом организационно помогли. Самый банальный пример организационно-методической помощи — это когда вы через Booking себе отель бронируете. Чем не организационно-методическая помощь иностранной компании? Она вам помогла забронировать отель в нужном месте, эффективно, быстро, вы при этом даете им деньги и информацию о себе, а они вам предоставили варианты отеля.

— Или авиабилеты.

— Авиабилеты, да. Да даже доставка каких-нибудь покупок через «Алиэкспресс». Понимаете, вот эта организационно-методическая помощь — это вообще совершенно непонятный, неизведанный наукой зверь. Минюст никак вообще не комментирует это, они устранились от какого-либо разъяснения. Я боюсь, что мы с вами поймем, что такое организационно-методическая помощь, когда кого-нибудь первого накажут с этой формулировкой, и тогда нам будет понятно: это чашка кофе, компьютер, комментарий эксперта или, условно, Booking.

— Вы наверняка уже видели образцы бумаг, которые нужно заполнять физлицам-«иноагентам».

— Видела.

— Если юридически посмотреть на них, как бы вы описали структуру этих документов? Насколько они избыточны?

— Во-первых, до сих пор нет отчетности, которая была бы адаптирована под физических лиц. Закон говорит, что СМИ-«иностранные агенты», кем бы они ни были — «Медуза» (*признана Минюстом СМИ-«иноагентом»*. — **Ред.**), или журналисты конкретные, или я, например, — должны заполнять отчетность так же, как заполняют ее НКО, потому что это в законе написано. Статья 6 закона о СМИ говорит, что к СМИ-«иноагентам» могут применяться правила закона о некоммерческих организациях, относящихся к статусу «иностранного агента». И тут, конечно, возникает такой когнитивный диссонанс, потому что эта форма отчета разрабатывалась несколько лет назад под НКО. НКО — это юридическое лицо. Как ты, человек, можешь заполнить отчет, который сформулирован для юридического лица?

Дальше возникает следующая проблема. Ты должен, как только тебя признают СМИ-«иноагентом», зарегистрировать юридическое лицо в течение одного месяца, которое тоже ставится на этот учет. Зарегистрировать некоммерческую организацию в течение месяца нереально. Если ты не успеваешь, у тебя получается нарушение и штраф — поэтому все регистрируют ООО. Получается, мы открываем коммерческую организацию, а отчитываться должны по бланку для некоммерческих организаций.

Продолжение материала
***Вячеслава ПОЛОВИНКО* —**
СТРАНИЦЫ 14-15 ⇨

спецнужды

Арден АРКМАН — «Новая»

ВСЕХ ВЗДЕРНУТ НА

⇦ СТРАНИЦЫ 12-13

Вообще, Минюст сказал: окей, вы не заполняйте разделы, которые относятся к юрлицам. И даже сейчас издан какой-то приказ, где они пишут: вот эти разделы этой формы отчета заполнять, а вот эти не заполнять. Но даже это в общем-то создает массу сложностей на практике, потому что непонятно, что такое «фактически понесенные расходы», — это надо собирать все чеки, все транзакции, каждый чек за купленные трусы или кофе или речь все-таки идет об укрупненных расходах? Минюст молчит, и что он скажет, мы не знаем.

— Он молчит, потому что не сформулировал позицию или сам не знает?

— Хороший вопрос. Если смотреть на примере общения телеканала «Дождь» (*признан Минюстом СМИ-«иноагентом»*. — **Ред.**) с Минюстом и Роскомнадзором, а телеканал «Дождь» пытается вытащить из них как раз ответы на вопросы, то это разговор немого с глухим. «Дождь» формулирует конкретный вопрос: «Скажите, пожалуйста, в какой срок, за какой период мы должны предоставить что-то?» Они отвечают: погода хорошая, хорошего дня — то есть пишут: «В законе все написано, читайте».

— «Вы держитесь там, всего доброго».

— Да, а мы как раз пишем, что в законе об этом ничего не говорится. Как мы должны это понимать? Они твердят: «Читайте закон». Получается, что они либо сами не знают, либо у них где-то там наверху эта позиция не сформулирована. Минюст ведет себя не как орган, который уполномочен эти нормы применять и толковать, а как просто технический проводник чьей-то воли, и пока тот, кто эту волю не сформулирует для них, он ее нам не может передать. В этой ситуации мы вынуждены все действовать по интуиции.

Самое главное, государство выходит за границы нормального взаимоотношения со своими гражданами. Этот отчет — вопиющее просто вторжение в частную жизнь человека, не обоснованное необходимостью. Кажется, такие неприятные, труднопреодолимые бюрократические сложности создают для того, чтобы человек чувствовал, как его достоинство унижают. Власти же будут изучать, сколько он денег потратил в супермаркете, сколько кофе выпил, куда ездил. Это ковыряние в чужом грязном белье неприлично для государства.

— Похоже, ему это все-таки нравится.

— Возможно, я не знаю. Основная цель в том, что нам это должно стать настолько неприятно, что мы откажемся от своей работы, от иностранного финансирования, от международного сотрудничества, от статуса международных экспертов, от высказывания своей публичной позиции. Мы должны сидеть тихо, молчать в тряпочку, не отсвечивать и работать бюджетниками без своей позиции и без публичных социальных сетей. И тогда, пожалуйста, выходи из этого реестра, не будешь отчитываться, сколько и чего ты покупаешь.

— Так не выйдешь же еще.

— А никого не выпускают. Но пока рано говорить про выход «физлиц», еще никто не закончил судиться.

«Все «иноагенты» пройдут через чистилище»

— Кстати, о «судиться». Механизм обжалования этого статуса напоминает ту же стандартную схему, как и общение вашего центра с Роскомнадзором в судах? То есть вы сразу понимаете, что нужно будет идти в Европейский суд и играть вдолгую?

— Безусловно. Надо сказать, что здесь практика уже сформировалась. Ее формировали некоммерческие организации, которые с 2012 года обжаловали статус «иностранного агента», который им прилетал регулярно. Но никто же не выиграл. И вышли из этого реестра организации только в связи с ликвидацией, то есть «посмертно».

— Или те, кого перевели в экстремисты.

— Ну да, это вот последняя ситуация... Но те, кто отказался от иностранного финансирования, себя обрекли, по сути дела, на сворачивание деятельности. Но ты пришел в эту сферу для чего? Для того чтобы работать. Значит, делай так, чтобы ты мог работать эффективно, стабильно и помогать людям, делать свое доброе дело. А видите, нас всех принуждают к тому, чтобы мы отказывались от иностранных денег, и тогда мы вас выпустим из реестра. Поэтому из реестра выходят только те, кто отказались от иностранного финансирования, а потом «умерли». Но и в этом случае выйти можно только через год, у тебя стерильным должен быть счет в течение 365 дней, и лишь после этого Минюст проверит, посмотрит и, может быть, выпустит тебя. Но стоит тебе получить еще одну какую-нибудь копейку краудфандинга иностранную, тебя опять могут включить в этот реестр, и все повторится заново. Правда, ты к тому времени растеряешь сотрудников и не сможешь работать.

То же самое все и здесь. Абсолютно все, кто получил статус «иностранного агента», пройдут через это же чистилище, а судебные процессы будут напоминать Кафку. Понятно, что никого из этого реестра добровольно не выпустят. Не для того он создавался, не для того каждый год ужесточают это законодательство.

— Российский суд и российский Минюст в этом смысле чем-то похожи на отдел учета грязнокровок в Министерстве магии в «Гарри Поттере».

— Точно. Конечно, в этой ситуации единственный путь — это обжалование. Ты не можешь пойти в Европейский суд, не пройдя все национальные этапы. Понятно, что не выпустят из реестра, понятно, что откажут. Но это еще и возможность официально заявить свою позицию. Потому что нельзя с этим мириться, нельзя проглотить... Это же не просто оскорбление, это глубоко дискриминационная мера. И если тебя подвергают этой дискриминационной мере и ты соглашаешься, то потом лишаешься даже процессуальной возможности откатить дело. Ты не обжаловал — значит, ты согласился.

— А как быть условной пенсионерке Людмиле Кузьминой (*признана Минюстом «иноагентом»*. — Ред.) из Самары, у которой просто моральных сил на это все не хватит?

— Вот для этого нужны юристы правозащитных организаций, которые все это сделают. Я с ней тоже

разговаривала. Вообще, в реестре физлиц-«иноагентов» прекрасные и очень разные люди: и ученые; и телеведущий государственной телекомпании, очень известный в городе, уважаемый, авторитетный человек из местной интеллигенции; есть совсем молодой журналист, двадцать с небольшим лет, который только вот на первом месте работы, и хлоп — ему прилетел статус «иностранного агента». Это же как надо ненавидеть своих соотечественников, своих граждан, чтобы награждать их статусом сразу, я даже не знаю, это какой-то... У кого-то это отбивает желание дальше работать в профессии, а кто-то и вовсе теряет веру в справедливость.

Безусловно, Людмиле Кузьминой будет тяжело, поэтому рядом с ней должен встать юрист, который в этом разбирается, и сделать это для нее и за нее. Эту процедуру вполне можно пройти и без ее участия.

— Когда мы с Кузьминой разговаривали, то пришли к выводу, что одна из целей превращения человека в физлицо-«иноагент» в том, чтобы сделать его таким прокаженным, чтобы вокруг него образовалось кольцо выжженное.

— Изгой, да.

— Не могу не спросить, как ваши родные и близкие отнеслись к тому, что…

— Слушайте, я уже семь лет в этой ситуации живу.

— Но одно дело — центр-«иноагент», другое дело — когда лично вы.

— Знаете, вы мне задаете этот вопрос, потому что вы сами через это не проходили. (*Стучит по столу.*) Дай бог, чтобы этого не было. В каждой ситуации все по-разному. Это зависит от того, кто ты, чем ты занимаешься и кто люди, которые рядом с тобой. Я не исключаю, что у кого-то из людей, кто оказался в реестре «иностранных агентов», родственники могут быть на других мировоззренческих позициях. Мне в этом смысле повезло: люди, которые вокруг меня, разделяют мой взгляд на мир, мою систему ценностей, у нас с ними одинаковое понимание — что хорошо, что плохо.

— Где гарантия, что этот статус не отразится на родных?

— Никакой гарантии. Я давно своему сыну вынуждена была (ему 20 лет будет через пару недель) сказать: «Имей в виду, что вот так сложилось, что у тебя мама не просто школьный учитель, не рядовой юрист, а возглавляет правозащитную организацию». Я не собиралась быть никаким героем, я вообще юрист-цивилист, я белая, тихая, мирная и пушистая. И если бы не вот эта вся ерунда, я бы спокойно жила более-менее обывательской жизнью. Но кто знал, что вот так начнут развиваться события? Это же безумие полное. 20 лет назад кто бы мог подумать, что журналисты окажутся вот под таким прессингом?

— Хорошо, если еще не заставят писать в анкете: «Сын врага народа».

— Мне кажется, мой сын к этому уже формально готов, он уже достаточно взрослый и понимает все.

«Студентка падала на стол: «Ну что же за жизнь!»

— Что говорят ваши студенты об институте «иноагентства»?

— Если я об этом не говорю сама, всегда бывает кто-нибудь, кто в аудитории скажет: «А вот мы знаем, что Центр признан «иностранным агентом». Что это такое? Почему? За что?» Я все честно рассказываю: они учатся на журналистов и должны это знать.

Что скажут мои теперешние студенты — я пока не знаю. У меня будет у них очередная лекция, и я должна буду поставить вот эту бодягу из 24 слов на второй слайд в моей лекционной презентации.

— Главное, чтобы в зачетке не заставили это писать.

— В зачетке нельзя, потому что там утвержденная форма, некуда вписывать.

— А как вы будете объявлять оценки? По сути, вы уже выдаете сообщение, подготовленное «иностранным агентом».

— Я не буду доводить ситуацию до абсурда и каждое свое «здрасте» предварять пометкой в 24 слова. И табличку с собой носить не собираюсь с этой пометкой. Хотя если мне какой-нибудь художник красиво нарисует эту табличку, я сделаю ее картинкой и буду в соцсетях каждый раз использовать, как такую вот авторскую подпись. А вообще, не знаю, как дальше будут складываться мои отношения с системой образования.

> «АБСОЛЮТНО ВСЕ, КТО ПОЛУЧИЛ СТАТУС «ИНОСТРАННОГО АГЕНТА», ПРОЙДУТ ЧЕРЕЗ ЭТО ЖЕ ЧИСТИЛИЩЕ, А СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ БУДУТ НАПОМИНАТЬ КАФКУ

— Вот я хотел спросить, вы же работаете в государственном вузе.

— Пока формально закон государственным университетам не запрещает, чтобы преподаватели были «иностранными агентами». Если законодательство изменится — значит, меня уволят. Вот и посмотрим на моем примере.

— У студентов, которые спрашивают про «иноагентство», после вашего объяснения в глазах нет разочарования от того, что вообще в принципе происходит?

— У некоторых есть. На последнем занятии мы со студентами разговаривали о регистрации СМИ и полномочиях Роскомнадзора. Никаких жестких оценок, я просто рассказывала, как это регулируется, какие полномочия у кого есть и что может быть в том числе за «иноагентство». И одна студентка каждый раз восклицала: «Господи, какая жесть!» И она так падала практически на стол: «Ну как же так, ну что же за жизнь!» Это было настолько искренне, мне хотелось как-то ее поддержать, потому что у меня не было цели рассказать, что все плохо. Но будучи журналистами, студенты обязаны понимать, как это регулируется законом. Мне пришлось как-то постараться смягчать лекцию, рассказывая о том, что можно сделать, как тем не менее можно работать в этой ситуации, какие есть возможности, какие положения законодательства журналистов все равно защищают.

Честно скажу, если ретроспективно смотреть, есть ощущение, что дети меняются. Студенты-журналисты очень быстро растут. Посмотрите на ребят из «DOXA». Ощущение такое, что все происходящее в стране студентов подталкивает к быстрому взрослению и осознанию всего происходящего в профессии. И выбора: останешься ли ты в этой профессии или уйдешь куда-нибудь в пиар.

Кто-то, конечно, будет разочарован во всем этом и уйдет из профессии совсем, кто-то перейдет в SMM. Хотя сейчас, по нынешним временам, и СММщиком чтобы работать, надо все это знать. Лет семь-десять назад студенты вообще не понимали, зачем вся эта юридическая лабуда им нужна. А сейчас они, открыв рот, все это слушают, потому что понимают: это повлияет на их дальнейшую жизнь и профессиональную судьбу гораздо больше, чем умение правильно выбрать жанр или придумать заголовок.

«Если всех объявите вонючками — кто от этого выиграет?»

— С 2015 года, когда ваш центр стал «иноагентом», кто-то отвернулся от вас или отказался именно по этой причине?

— Я бы сказала, что нет. Даже государственные СМИ, которым мы помогали, продолжают у нас просить помощи, и мы с удовольствием им эту помощь оказываем, потому что считаем, что правовое регулирование работы журналистов — это сложная сфера. И если им нужен юридический совет, мы должны его оказать. Поэтому от нас не отвернулся никто из тех, с кем мы работали до получения статуса, — за одним исключением. И я уверена, что это не потому, что мы плохие, а потому, что это государственная политика: мы не можем теперь работать с судьями. Раньше мы проводили семинары, у нас много проходило тренингов с областными судами разных регионов, несколько десятков мы провели точно. И региональные суды знали, что мы это делаем хорошо, им было интересно, они действительно заинтересованы очень были. А с момента признания центра «иностранным агентом» такое сотрудничество вынужденно закончилось. Последним судом, в котором тренинг был запланирован, был Челябинский областной суд. У нас семинар был назначен на апрель, и в суде ждали, пока я освобожу место в своем графике, почти год. Но в феврале нас признали «иностранным агентом», и через месяц из суда написали, что, извините, мы не сможем провести этот тренинг. Я их за это не виню, потому что они люди подневольные.

— Вы говорили в интервью «Медузе», что вам неофициально звонят судьи и чиновники, которые все еще просят у вас консультаций.

— Неофициально — да, конечно.

— Они что-то вам говорят о происходящем?

— Нет, мы не обсуждаем эти вещи. Они звонят и говорят: «Мы знаем вас как эксперта...» или «Вас нам рекомендовали как эксперта, вот у нас есть вопрос, не могли бы вы помочь, проконсультировать». Я считаю, что это один из сигналов искусственного размежевания, по сути дела, нас сегрегации подвергают: вот те плохие, те хорошие. Но если вы всех экспертов в какой-то сфере объявите вонючками, все закончится тем, что просто невозможно будет обмениваться научным знанием и опытом. Кто от этого выиграет?

— Звонили вам когда-нибудь за помощью из Роскомнадзора и Минюста?

— Из Минюста нет, у нас с ним чисто формальные отношения, ведомство не занимается ничем в сфере нашей компетенции.

— А из РКН?

— Бывало из разных регионов, не федерального уровня.

— У вас у самой не было ощущения, что вы помогаете недругу?

— Они же не потому мне звонят, что к врагу обратились за советом. Если мы друг друга знаем лично, и я уверена, что это нормальный специалист и есть сложный юридический момент в толковании какой-то нормы закона, почему нам это не обсудить? Человек не будет итог подобного обсуждения применять против журналиста — тут принципиальный момент для меня. Речь чисто о вопросах толкования права, как бы это было, например, на какой-нибудь научной конференции.

— Вы защищаете журналистов по всей России. Как воспринимают статус «иноагента» региональные чиновники? Есть ли ощущение, что там думают: «Вот напридумывали в Москве…»?

— Это сильно зависит от головы и мировоззрения конкретного чиновника. Уверена, что многие из них будут шарахаться, а многие будут вводить усиленный контроль и рассматривать каждую нашу пору на носу под двойной лупой. Есть ведомства, не будем называть их вслух, у которых отдельная приоритетная задача: вот у вас есть в регионе «иностранный агент», следите за каждым его перемещением. А кто-то, может быть, и думает — какая это все, прости господи, хрень.

— Но стереотипно кажется, что в регионах всегда проще к этому относятся.

— Не факт, регион региону рознь. В некоторых регионах, наоборот, человека будут травить. Эта формулировка нацелена на то, чтобы нас сделать изгоями. И для чиновников или силовиков в регионе такая задача — из категории «ничего личного, просто работа». Что этот силовик думает у себя в голове по большому счету даже не важно. Может, он на кухне своему другу и говорит: «Какая это все ерунда, понапридумывали», — но он будет все равно эту работу делать. Потому что у него спросит начальник: «А что ты сделал, представь отчет, а куда этот «иностранный агент» ходил, а с кем встречался?» Он это так и сделает, потому что от этого зависит его зарплата, а у него дети, семья, ипотека. Они будут делать свою работу, потому что машина запущена и есть система отчетности, приоритетов, мы все равно там у них на отдельном счету, это все равно будет создавать на региональном уровне еще больший прессинг на «иноагентов». Скорее в регионах внимание будет куда более пристальным, нежели в крупных городах, где внимание рассеяно: физлицо-«иноагент» будет ощущать каждый день под лупой. А это очень неприятное ощущение, ты не можешь никогда расслабиться.

Окончание материала ***Вячеслава ПОЛОВИНКО*** —
СТРАНИЦА 16 ⇨

РЕЕСТРЕ

⇦ СТРАНИЦЫ 14–15

— Что вам известно в этом смысле о воронежских силовиках, вы вообще их знаете?

— Нет — и знать не хочу.

«Противно, когда в роли преступника выступает государство»

— Вы сказали, что в России упало качество экспертизы из-за низкой квалификации специалистов. Эксперты говорят не так, как это положено по науке, а так, как хочет услышать начальник.

— Я говорила об экспертизе именно в нашей сфере. У нас все законопроекты и законодательные инициативы проходят некое общественное обсуждение на разных площадках. И вот туда зовут экспертов, чтобы те высказались. Одно время нас тоже звали, и мы видели этих людей. У нас волосы становились дыбом. Эти люди на голубом глазу несут такой юридический бред! Когда человек, который называет себя экспертом, например, не знает термин «средства массовой информации», он просто называет их, например, «средствами информации», а при этом называет себя экспертом по законодательству о СМИ, — это вызывает оторопь.

ВСЕХ ВЗДЕРНУТ НА РЕЕСТРЕ

— Сократил для удобства.

— Да, но это юрист, он не может так делать, когда речь идет о юридической терминологии. Или, например, когда эксперт говорит, что да, надо ограничивать право журналистов писать на темы, связанные с частной жизнью, потому что «нечего им совать нос куда не следует». И там никакой «общественный интерес» в качестве исключения не рассматривается, все отметается. Видно, что человек выступает флагманом Роскомнадзора в самом его радикальном виде. А если ты юрист и называешь себя специалистом в области информационного права, то ты должен знать и плюсы, и минусы, и исключения, и аргументацию «за» и «против», и нужно понимать вообще, как устанавливается баланс между конфликтующими правами. Да, свобода слова может нарушить чьи-то права, когда вы рассказываете о дорогостоящей вилле чиновника. Это вторжение в его частную жизнь? Ну, в определенном смысле — да. Но вы же не подсматриваете с длиннофокусным объективом за его семейными отношениями в спальне. Вот это было бы необоснованным вторжением в частную жизнь. А рассказать о том, что у него вилла, которая явно стоит существенно больше, чем он имеет возможность финансово себе позволить, — здесь очевидный общественный интерес. И этот очевидный общественный интерес является во всем мире исключением из общего правила, что нельзя вторгаться в частную жизнь человека. А вот эти псевдоэксперты, такое ощущение, этого даже не знают. Хотя речь идет о базовых вещах. Это катастрофа, это действительно выхолащивание экспертного знания в очень сложной юридической тематике.

А еще очень большие проблемы с написанием самих законов. Об этом очень хорошо говорили как раз конституционалисты-юристы — Елена Лукьянова, Илья Шаблинский, Тамара Георгиевна Морщакова. Они говорили, что качество юридических текстов, качество законотворческого языка падает. Закон должен быть четким, ясным, недвусмысленным, понятным обывателям. Вы читаете закон, вам должно быть понятно, что вы должны делать, а чего вы делать не должны. А когда ты читаешь закон и не понимаешь его, будь ты даже юрист или профессиональный эксперт в этой сфере, — это неправильно. Да даже если государственный орган истолковать это не может, тот же Минюст, каким образом вы как человек должны свое поведение подстраивать под эти требования? Чего вы не должны делать, чтобы не попасть в «иностранные агенты»? Непонятно.

— Ну законы в России давно пишутся не для людей, а против людей. Есть ли у реестра, в который вы внесены, предел?

— Нет, конечно. В принципе в этот реестр могут попасть практически все жители этой планеты, кроме, может быть, людей, у которых нет никаких соцсетей и которые живут исключительно на российские бюджетные деньги.

— Есть один такой в России.

— Вот он, наверное, туда и не попадет. Иностранные СМИ, иностранный агент — это кто? Это человек, организация или группа лиц, которые имеют иностранные деньги и распространяют публично информацию. То есть потенциально это житель любой другой страны: у него явно не российское финансирование, и он какую-то информацию публично точно распространяет. Вот Дональд Трамп, Лондонская библиотека, университет Сорбонна, малайзийское правительство — у них у всех есть свои сайты или аккаунты, и они точно работают не на российские деньги. Предела нет.

— Остановятся ли, по-вашему, охранители на нелояльных СМИ, или начнут прочесывать и государственные медиа?

— Нет, не будут они трогать своих, они же должны их удерживать в добродушном состоянии, чтобы они им помогали, распространяли информацию так, как государство хочет. Они должны быть лояльными, а для этого их трогать нельзя, им поэтому платят хорошо, больше, чем остальным, поэтому для них льготы, всякие разные подачки, еще что-то такое.

> ЧТО ТАКОЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ, МЫ ПОЙМЕМ, КОГДА КОГО-НИБУДЬ НАКАЖУТ, И ТОГДА БУДЕТ ПОНЯТНО: ЭТО ЧАШКА КОФЕ, КОМПЬЮТЕР, КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА ИЛИ, УСЛОВНО, BOOKING

— Но рано или поздно «иноагенты» кончатся, а системе нужно кого-то пожирать.

— Трудно сказать, как долго они будут отрезать хвост у кошки, как долго они будут продолжать вот это вываливание нам по десять человек. В России много людей живет, а за пределами России — еще больше.

— Вам когда было противнее: когда вам угрожали люди из РНЕ (*в конце 90-х представители радикальной организации «Русское народное единство», большая часть отделений которой сейчас запрещена, публично обещали расправиться с Араповой после одного из судебных процессов.* — Ред.) или сейчас?

— В обоих случаях противно. В той ситуации тоже было противно. Я понимаю, что это прямая угроза, и говорю: ну давайте, государство, защищайте меня. А мой же однокурсник, следователь прокуратуры, мне отвечает: «Галь, ну был бы труп, было бы дело».

— Вот убьют, тогда и приходите.

— Типа того, да. Я говорю: «Знаешь, был бы труп, он был бы моим, очень не хочется, как-то рановато». А потом пришел человек из конторы соответствующей и сказал: «Мы с ними поговорили, они вас не тронут, они нам пообещали». Понимаете, когда государство с тобой разговаривает на уровне — нам вот эти отморозки пообещали, что они вас не тронут, мы не будем поэтому доводить до ума уголовное дело по факту угрозы убийством, — ты понимаешь, что что-то тут не то.

— Сейчас у государства другая лексика?

— А сейчас противно по-другому, потому что здесь другой уровень риска. Это все равно тоже неправильно, несправедливо. Но одно дело, это просто какие-то действительно преступники, а другое дело, когда в этой роли, по сути, выступает твое родное государство, которое, используя бюджетные деньги, толкает своих сотрудников на то, чтобы они вторгались в твою частную жизнь, тебя преследовали, использовали свои административные ресурсы, насылали на тебя нодовцев или еще кого-нибудь. Это другой уровень проблем, другой уровень рисков правовых. Но все равно на уровне риска для жизни раньше было страшнее.

Вячеслав ПОЛОВИНКО,
фото **Ардена АРКМАНА,** «Новая»

опыт частного сопротивления

«НИЧЕГО ЛИЧНОГО, ПЕРЕДАЛИ СВЫШЕ». С КАКОГО «ВЫШЕ»?

Директора школы в иркутском Усть-Куте с 30-летним стажем уволили за поддержку кандидата от «Яблока», с которым она вместе работала в образовании еще в 90-х

Ольга Зуева

Фото из личного архива

В небольшом городке Усть-Кут Иркутской области директора общеобразовательной школы № 4 Ольгу Зуеву уволили за видеоролик, записанный в поддержку кандидата от «Яблока» еще перед выборами. В похожем видео снялась и директор школы № 2 — Людмила Ленская, она находится на больничном с коронавирусом, и ее также планируют отстранить от работы, отправив на пенсию.

В поддержку яблочника Алексея Тупицина в ходе избирательной кампании высказались многие местные жители: депутаты, ученые, спортсмены и даже бывшие силовики. Вскоре после видеообращений от Зуевой и Ленской министр образования Иркутской области Максим Парфенов заявил, что им придется написать заявление об увольнении по собственному желанию, если они «не в команде «Единой России», а активисты ультраконсервативного Национального освободительного движения (НОД) провели пикет у правительства Иркутской области с требованием уволить Зуеву за поддержку Тупицина. Под петицией о ее увольнении они собрали аж девять подписей.

Несколько дней назад начальник управления образованием города позвонил Ольге Зуевой и сообщил, что она уволена в одностороннем порядке по статье о несостоятельности руководителя (п. 2 ч. 1 ст. 278 ТК) — без объяснения причин.

Ольга Николаевна Зуева — почетный работник в сфере образования с опытом работы более 30 лет. «Новая газета» поговорила с ней об увольнении, образовании и возможности совместить школу и политику.

— Что было в видео, за которое вас уволили, и почему вы решили поддержать Алексея Тупицина от «Яблока»?

— Обычный предвыборный ролик, абсолютно. Кандидат попросил <сделать>, увидев, что я поддерживаю его решение баллотироваться в Государственную думу. Оказалось, этот ролик получил какой-то интересный резонанс среди моих работодателей. Выборы закончились, и я думала, что уже все позади. Никак не ожидала, что это обернется именно увольнением по статье. Вопрос <ролика> был в том, что мы его <Тупицина> действительно знаем, он работал у нас в 90-е годы в образовании, занимался строительством. Работал добросовестно, был директором «Учпрофстроя». Конкретно я с ним общалась по ремонтным работам в пионерском лагере в 1995 году.

— Вы давно работаете в образовании?

— Очень давно. Я родом из Ташкента, училась в Уральском государственном педагогическом институте, после этого вернулась в родную школу, в которой училась. Отработала 25 лет, из них 22 года — заместителем директора. После этого меня назначили директором другой школы, № 4, кем я еще на сегодня являюсь. Проработав там семь лет, стала муниципальным работником — начальником управления образования. Год назад у нас сменились мэр и его команда, и я вернулась на прежнее место работы.

Я — почетный работник общего образования, преподаватель математики высшей категории.

Когда была директором школы, старалась, чтобы школа была на хороших позициях, и она действительно одна из лучших в районе. Наша школа является экспериментальной площадкой по введению федерального государственного образовательного стандарта. Мы ведем работу в рамках федеральных проектов «Учитель будущего», «Цифровая среда будущего». Активно участвуем во всех таких направлениях. Уже два года подряд в школе есть стобалльники, постоянно занимаем призовые места в очень престижных конкурсах: «Учитель года» и «Ученик года».

— Министр образования Иркутской области Максим Парфенов хорошо вас знает?

— Да, мы взаимодействовали очень тесно, это толерантный и грамотный руководитель, специалист высочайшего класса. Я его глубоко уважаю, такой активный министр с хорошей жизненной позицией. Его все знают и уважают. И он очень хорошо меня знает.

— У вас в школе бывало такое, чтобы педагоги открыто поддерживали политиков?

— Знаете, во время предвыборных кампаний — очень часто. Что руководители, которые известны в регионе или в районе, являются доверенными лицами кандидатов. И неважно, какая политическая сила. И прецедентов не было, чтобы за такое увольняли по статье.

— А какая у вас в школе социальная атмосфера, довольны ли педагоги зарплатами?

— Зарплата зависит от нагрузки, от категории, от стажа работы. Поэтому люди, в общем-то, понимают, что это зависит от их желания. В прошлом году, например, была очень хорошая федеральная надбавка за классное руководство, и она стала стимулом для педагогов. Понятно, что хотелось бы более достойную зарплату в сравнении с другими отраслями, но у нас в школе такой вопрос не обсуждался. Конечно, у нас дефицит кадров, поэтому у моих коллег большая загрузка. С интересом наблюдаем, как активно обсуждается вопрос единого подхода к оплате труда работников образования по всей стране. Считаю, что у нашего правительства курс верный. Надеюсь, что это повысит престиж нашей педагогической профессии.

— Для вас работа в образовании на первом месте? У вас есть другие варианты заработка или, может, хобби?

— Понимаете, когда полностью себя отдаешь работе 24/7 в школе, в которой очень много детей и 50 человек педагогического состава, всегда держишься в тонусе, и когда стараешься работать с большой самоотдачей, времени на хобби или другое дело абсолютно нет. Я работу свою выполняла добросовестно, не имею по ней ни нареканий, ни предупреждений.

Родители — мои помощники, я всегда нахожу время выслушать любые их проблемы и помочь, если нужно. Сейчас такое непростое время, родители школьников тоже заняты работой и иногда обращаются за помощью по воспитательным вопросам. На такую кропотливую работу уходит много времени. Очень люблю своих детей, они у меня особенные. Сразу видно, что они из нашей школы, у них какой-то особый взгляд. Мне кажется, они самые лучшие и понимающие.

— Как вы отреагировали на решение об увольнении?

— Это было очень неожиданно, в конце рабочего дня, ничто не предвещало такого исхода событий. Просто шоковое состояние и надежда на то, что справедливость восторжествует, была именно в тот момент. Попросила объяснить причину <увольнения>, но начальник управления сказал, что без объяснения причин, но ничего личного, ему передали «свыше». С какого «выше»? Неизвестно. Понятно, что основная причина — мой ролик. Администрация района трижды разговаривала со мной, дважды — с руководителями образовательных организаций по этому поводу. В обычной, корректной беседе эти события оценивали.

Алина ДАНИЛИНА,
«Новая»

под текст

Накануне в поддержку Ольги Зуевой прошли одиночные пикеты у прокуратуры Иркутской области, а родители учеников школы № 4 вместе с жителями Усть-Кута опубликовали петицию за восстановление Зуевой в должности директора. На момент публикации статьи ее подписали около 350 человек. Кампанию в социальных сетях активно освещает яблочник Алексей Тупицин. Он рассказал «Новой», что увольнение может быть акцией запугивания тех, кто поддержал его на выборах.

«Я думаю, они <представители власти> испугались. Я занял третье место на выборах в Усть-Куте, общество у нас достаточно прогрессивное. Хотя денежный ресурс был в десять раз меньше, чем у единороссов. И меня поддержали, в том числе, сотрудники полиции и прокуратуры, которых вызывали и говорили, за кого нужно голосовать и не голосовать за меня», — сообщил Тупицин.

В министерстве образования Иркутской области изданию «Усть-Кут 24» сообщили, что все вопросы о причинах увольнения Ольги Зуевой с поста директора школы нужно адресовать «инициаторам на местах», в частности мэру Усть-Кутьинского района Сергею Анисимову.

Недавно в местных СМИ появилось видео с Анисимовым, который зачитал рэп о текущей ситуации в муниципалитете: «все в нашем районе тип-топ <...> я — Сергей Геннадьевич Анисимов, а ты кто?»

Музыкальный дебют мэра состоялся на открытии контент-студии в молодежном центре. Однако не все жители города довольны кадровыми перестановками, происходящими в Исть-Куте по инициативе мэра. В частности, большой резонанс вызвало готовящееся увольнение главврача городской больницы Анны Самсоновой, а также смена руководства гостиницы «Лена» и новый заведующий гороно, ранее замеченный в нетрезвом вождении автомобиля.

По словам начальника отдела общего образования Виктории Фирстовой, глава регионального минобра Максим Парфенов во время поездки в Усть-Кут публично заявлял, что руководители учебных заведений имеют право озвучивать свою политическую позицию как частные лица.

любимые люди

ОНА УХОДИЛА НЕ ОДНА

Прощание с Ириной ПАПЕРНОЙ, легендарной личностью московской клубной культуры

Соцсети

Ира Паперная умерла. Казалось бы, 80 лет, но она так и не дожила до старости. Ирочка, Ирина Борисовна, будто никогда не менялась ни внешне, ни внутренне: всегда улыбалась, дружила с людьми всех возрастов, от детей до стариков, у нее и своя семья большая и разновозрастная, в ее дело вовлекались и они, поскольку это была не просто работа, она так жила — увлекательно.

Сначала был клуб «Белый таракан», 1990 год. Наверное, тогда мы с ней и познакомились. В то время клубов нового, не советского формата возникло множество, у Иры был свой почерк: интеллигентно-артистический, она приглашала выступать поэтов, музыкантов, актеров и публику звала именно такого свойства.

Потом она ненадолго пришла в клуб «Вермель», а самый долгий ее клуб — «Китайский летчик Джао-Да». Многие думали, что ее клуб — значит, она владелица. Нет, она управляла этими клубами, была душой места. Где она — там уютно, дружелюбно, интересно.

Казалось, что все происходит само собой, но Ира рассказывала мне, как трудно держать баланс: ее гости — люди отнюдь не богатые, а хозяину нужна прибыль, и ей удавалось делать так, чтобы гости чувствовали себя «как дома», а хозяева клубов смирялись.

Казалось, что внутри Паперной работает перпетум мобиле, что она работает от солнечной батареи, поскольку сама такая солнечная, в любую непогоду, но однажды, а было это месяца полтора назад, что-то случилось. Солнце внезапно погасло: непонятно откуда взявшийся менингит.

Ну а дальше — долгое пребывание в реанимации. Алексей Паперный, ее обожаемый сын, известный музыкант, создал в вотсапе группу друзей Ирины Борисовны, где публиковал сводки от врачей, а друзья решили каждый вечер, в 22.30, мысленно браться за руки и коллективно молиться за Иру.

10 октября Ире исполнилось 80 лет, и Алеша предложил всем участникам группы — поразительно, Ира и в таком состоянии сумела создать вокруг себя клуб — записать короткие поздравления с юбилеем.

Их оказалось очень много, Алеша и внучка Таня собрали их в одну запись и включили возле Ириной постели. Им показалось, что она слышала эти слова любви, и, может быть, потому и не сразу ее солнечная батарея перестала впитывать свет, чтобы мы все могли в этом ее последнем клубе с ней попрощаться.

Мне кажется, ей, оказавшейся на пороге, это было важно, она уходила не одна, ее провожали те, с кем она провела жизнь.

Я много раз выступала в Ириных клубах, делала в «Летчике» презентации книг, а последние два раза — вечера журнала «Вестник Европы», и было это совсем недавно, в мае, и Ира была, как обычно, молодой и красивой. Такой и ушла. Царствие Небесное.

Татьяна ЩЕРБИНА, поэтесса — специально для «Новой»

смотрите, как

ИСТУКАНЫ И ГНОМЫ

Почему так интересно наблюдать за перипетиями их судьбы

pinterest.es

Вроцлав — симпатичный, нарядный город. Его старинный центр аккуратно отстроили после военных разрушений, восстановив все фасады (но, конечно, не то, что за ними). Погуляв немного, замечаешь странность: на центральных улицах почти нет памятников. Лишь кое-где виднеются скромные бюсты и мемориальные доски в честь заслуженных поляков, и еще у самой ратуши стоит странный монумент комедиографу XIX века Александру Фредро (кто-то, возможно, помнит его пьесу «Дамы и гусары») — странный, потому что Фредро всю жизнь работал совсем в другом городе — Лемберге, ныне Львове.

Общую причину легко было угадать, а экскурсовод Матеуш рассказал подробности.

Монументов было много, но немецких, потому что Вроцлав несколько веков назывался Бреслау, и в 1945 году он почти опустел: немецкое население изгнали на запад, а на смену ему стали приезжать поляки, особенно те, кого советские власти выселили из восточных областей Польши, присоединенных к СССР. Они убрали с городских улиц все знаки, напоминавшие о немцах, и на их место нужно было поставить что-нибудь другое — и вот городские власти, созданные еще до взятия Бреслау советской армией (новоназначенный мэр несколько месяцев ждал, когда сможет въехать в свой город), перевезли сюда памятник Фредро из Лемберга-Львова, где он оказался некстати при новых политических обстоятельствах. Монумент стал переселенцем, последовав за гражданами Львова, которые в большом количестве переехали именно в Бреслау-Вроцлав.

Так это делалось 75 лет назад. С тех пор многие улицы города успели трижды поменять названия — сначала немецкие на польские, потом «социалистические» на «национальные». В последние годы кое-где снова стали появляться памятные знаки в честь немецких жителей города: на чердаке университета нашли при ремонте спрятанный там скромный монумент погибшим солдатам Первой мировой войны и вновь установили его в малозаметном закрытом дворе, в том же дворе стоит статуя философа-мистика Ангелуса Силезиуса (правда, цитата из него на пьедестале написана по-польски), а на одном из корпусов университета висит новенькая мемориальная доска в честь поэта-романтика Йозефа фон Эйхендорфа (о ней даже еще не знал гид Матеуш). В общем, в мемориальной культуре мало-помалу идет процесс примирения.

Но на улицах Вроцлава можно встретить и кое-что еще: то там, то тут стоят маленькие бронзовые гномы (говорят, их уже несколько сотен), они работают, пляшут, выпивают... У Народного дворца музыки из них составлен целый оркестр с дирижером, рядом с туристическим агентством — гном-путешественник с чемоданом, у стены отеля — постоялец, спящий на кровати. Этот забавный народец, новейшая достопримечательность Вроцлава, возник неспроста. В последние годы коммунистической власти здесь действовала акционистская группа «Оранжевая альтернатива», которая рисовала гномов на стенах и устраивала массовые костюмированные демонстрации под протестно-абсурдистскими лозунгами типа «Гномы за коммунистическую революцию». Теперь эти художественные акции застыли в бронзовых фигурках на тротуаре; артистический протест, как обычно и бывает, присвоен коммерцией — отели и рестораны заказывают себе своих гномов, рекламируя себя.

Однако драматическая мемориальная история Вроцлава придает этим потешным скульптурам еще один смысл. Они как бы заменяют недостающие, исчезнувшие памятники (вероятно, не только немецкие, но и коммунистические) — пародируют их своими карликовыми размерами и карнавальными ужимками, а тем самым сбивают градус монументальной пропаганды.

Напоминают всем, что памятники — это хоть и важная, но все-таки условность, что они возникают и исчезают, перемещаются и переосмысляются, меняются вместе с жизнью людей. Не будем забывать, что какой-нибудь горделивый истукан, поставленный на площади власть имущими, — это просто особо дорогостоящий гном-переросток. И тогда с ним можно будет жить по-людски.

Сергей ЗЕНКИН — специально для «Новой»

P.S. ***Автор был во Вроцлаве не туристом, а участником конференции «Иконоборчество: прошлые и нынешние вопросы», что приглашало наблюдать за визуальными изображениями и перипетиями их судьбы.***

Bob MARTIN / Getty Images

ЦАРИЦА КОРТА

18 октября Мартина Навратилова отмечает юбилей

В честь этой чудесной дамы с ракеткой я когда-то назвал свою кошку. Потому что в переводе с чешского ее фамилия (спортсменки, а не кошки) означает «та, которая возвращается». Пушистого зверька уже давно нет, а красиво стареющая обладательница почти всех мыслимых и немыслимых теннисных рекордов, если бы было нужно, и сегодня могла бы выпорхнуть на площадку с сеткой. По крайней мере, мне так кажется.

Навратилова всегда делала то, что хотела. Словно белая ворона, она творила и вытворяла, летая по жизни и корту сообразно своим правилам и желаниям. Помню, как резиденты US Open-2006, пережидая ливень в громадной уютной студии, наблюдали в окошко за Мартиной, которая весело прыгала через лужи со своей маленькой собачкой, каталась с ней на детских качелях и заразительно смеялась, не обращая внимания на гром и молнии. И все бы ничего, но участнице форума было тогда, на минуточку, почти 50 лет. И, когда тучки рассеялись, «бабулечка» на пару с молоденьким Бобом Брайаном оформила итоговую «американскую» викторию (бог знает, какую по счету) в миксте. Аплодировавшая стоя публика требовала свежих фокусов, но героиня, признавшись, что мечтала стать самой молодой среди тех, кто возьмет турнир «Большого шлема», а не самой старой, откланялась и официально покинула четырехугольную сцену.

Великий Джимми Коннорс как-то сказал, что карьеру Мартины повторить не удастся никому. С этим, разумеется, не поспоришь. Но ведь дело, как ни маши ракеткой, даже не в уникальном долголетии. Я попытался, не заглядывая в справочники, воскресить в памяти самые выдающиеся матчи Навратиловой. И не смог. Да и как выделить главное, если левша-блондинка выиграла за карьеру 167 соревнований в одиночном и 177 — парном разрядах, а всего в 1442 (!) личных поединках из 1649 огорчала противниц до слез? Процент ее побед, думаю, несложно вычислить и гуманитариям.

И еще чуть-чуть циферок. Начиная с Уимблдона-1983 и вплоть до открытого первенства Австралии-1984, уроженка Праги «закрывала мишени» в 74 перестрелках подряд и 13 раз откупоривала шампанское в честь своих триумфов в крутейших состязаниях, шесть из которых значились под грифом «Большой шлем». А с апреля 1983-го по июль 1985-го вместе с Пэм Шрайвер она взяла восемь престижнейших чемпионских титулов кряду, проведя 109-матчевую беспроигрышную серию. Надо ли говорить, что случались и шедевральные гастроли, по ходу которых хитрая царица не отдавала дерзким претенденткам ни единого сета.

Крис Эверт и другие конкурентки наверняка прокляли тот день, когда неугомонной Мартинке бабушка Агнесса подарила овальную лопатку со струнами. Записываться в секцию будущая прима помчалась на следующее утро, спрятав в чулане горные лыжи, которыми она занималась до тех пор, пока не развелись ее родители. Сама Навратилова утверждает, что до 15 лет уделяла новому увлечению всего пару часов в день. Но вы бы видели эти занятия. Тренировки стриженной и одевавшейся по-мальчишески худышки напоминали подготовку бойцов спецназа: в любую погоду по склонам Татр она носилась с рюкзачком, набитым камнями. «Ты превратишься в лучшую спортсменку на планете», — уверял ее первый коуч и отчим Мирослав Навратил (именно его фамилию и получила малютка Шубертова), возивший Мартину на детские турниры на стареньком дребезжащем мотоцикле. Но и он вряд ли предполагал, что в мировой тур юная чешка ворвется дерзко и без стука.

Казалось, Навратилова специально создана исключительно для тенниса. К примеру, Билли Джин Кинг вполне можно представить за шахматной доской, Штеффи Граф — «увидеть» на плавательной дорожке, сестренки Уильямс, уверен, не затерялись бы и в секторе для толкания ядра. А улыбчивая, но всегда сконцентрированная Мартина, чьи шустрые ноги и волшебные жилистые руки разрешали любую теннисную задачку, только на корте и могла чувствовать себя раскованно и уверенно. К тому же она обладала редким даром предвидения и верила в собственное предназначение, что и отличает гениального спортсмена от выдающегося. Навратилову, позаимствовавшую мужской элемент «подача — выход к сетке», считают родоначальницей силового женского тенниса. И, на мой взгляд, несколько ошибочно. В этом простом, но эффектном действии заключалась не сила, а невыносимая легкость бытия. Интеллигентная мастерица, внезапно очутившись в центре площадки, с аптекарской точностью обводила соперниц, посылая желтый попрыгунчик в «мертвую» точку. Хотя ее стартовый выстрел и правда частенько сокрушал оппонентоk, которые быстро попадали под влияние Навратиловой и плясали под ее музыку до полного поражения.

10 июля 1978 года компьютер вывел Мартину на вершину рейтинга. В том сезоне она завоюет первую из своих девяти уимблдонских корон, шесть из которых будут добыты беспрецедентным способом — одна за другой. Однако к тому моменту 22-летняя теннисистка, по сути, будет являться человеком без родины.

Ведь тремя годами ранее, когда чиновники из чешской компартии присвоили себе ее гонорар в размере 50 тысяч долларов, вручив тинейджерке в качестве компенсации две бумажки с изображением Франклина, Навратилова решится на побег из страны и попросит политическое убежище в США. При этом гражданства социалистической республики она лишится незамедлительно (его вернут эмигрантке в 2008-м), а звездно-полосатый паспорт, который позволит ей представлять Америку на всех международных конкурсах, она получит лишь в 1981-м.

Впрочем, родина кока-колы и бигмака оказалась не такой свободной, как представлялась. Когда на свою белоснежную тенниску Мартина прикрепит розовый треугольник «Экт Ап» (знак ассоциации сексуальных меньшинств по борьбе со СПИДом), разразится грандиозный скандал. А после выхода мощного интервью «Я лесбиянка и горжусь этим» *(Навратилова стала первой спортсменкой мирового уровня, совершивший каминг-аут. — А. У.)*, ее едва не депортировали обратно в Чехословакию. «Аморальные шалости» обернулись для Навратиловой разрывом контрактов с фирмами-спонсорами. Примечательно, что в 2000 году Мартине присудят Национальную премию равенства — награду, которая вручается главным защитникам прав геев и лесбиянок. А не так давно ее родная организация чуть ли не вычеркнула заслуженную активистку из своих рядов, возмутившись тем, что она проявила неуважение в трансгендерам, заявив, что «соревноваться против женщин, просто объявив себя тетей, нельзя». Но в этом, опять-таки, вся Мартина. В ее постели согревались сотни красавиц, включая Мадонну. Романы, браки и разводы Навратиловой шокировали и до сих пор шокируют общественность, но страдать от неспортивного поведения любая игра, по ее мнению, не должна.

Игра же на корте звездной особы, взявшей паузу в середине 90-х, продолжилась с наступлением Миллениума. В Праге во время матча на Кубок Федерации публика встретила «невозвращенку» овацией уже на разминке. А 7 июля 2003 года, когда в возрасте 46 лет она в 20-й раз покорит Уимблдон в паре с индусом Леандро Паесом, даже российские новостные программы начнутся с репортажа о беспрецедентном событии на траве... А вот в 1978-м газета «Правда» о победе тогдашней «предательницы» умолчала, сообщив, что в «финале Уимблдона поражение потерпела Крис Эверт».

На Кубке Кремля, куда Мартина с удовольствием приезжала в XXI веке, выступая в паре с юной Светланой Кузнецовой, я спросил ее о том, как она относится к тем далеким «советско-прав-

> «СЕГОДНЯ 65-ЛЕТНЯЯ РЕКОРДСМЕНКА ЗАНИМАЕТСЯ ЙОГОЙ, ВОДИТ МОТОЦИКЛ И ЛЮБИТ ПОВТОРЯТЬ, ЧТО «МИГ ПОБЕДЫ СЛИШКОМ КОРОТКИЙ, ЧТОБЫ ЖИТЬ ТОЛЬКО РАДИ ЭТОГО»

динским выкрутасам». Услышав вопрос, понимающая по-русски чемпионка сняла стильные очки, развела руки в стороны и, усмехнувшись, ответила: «Я ничего об этом не знала. Ну было и было».

А сколько детишек было на ее столичных мастер-классах! Кстати, на одном из таких уроков среди двухсот короедов с ракетками Навратилова отметит бойкую девчушку и предскажет ей большое будущее. Школьницу, вообразите, звали Машей Шараповой...

Сегодня 65-летняя юбилярша продолжает шуршать по всем направлениям: занимается йогой, водит мотоцикл, ведет семинары для тех, кто столкнулся с диагнозом «рак» (сама Мартина преодолела эту страшную болезнь), пишет книги и любит повторять, что «миг победы слишком короткий, чтобы жить только ради этого».

Андрей УСПЕНСКИЙ, «Новая»

Путешествие по дискурсивному коридору с профессором Нью-Йоркского университета Михаилом ЯМПОЛЬСКИМ

МЕЖДУ ИМПЕРСКИМ

— Михаил, читатели «Новой» с вами еще не знакомы, расскажите о себе. Как вы оказались в Америке? И что для вас родина?

— Я много лет работал в НИИ киноискусства, а в 1991-м ушел оттуда в Институт философии РАН. Недолгое время я преподавал во ВГИКе. Уезжать я не собирался. Но тут неожиданно, так как никаких заявок я не подавал, пришло приглашение и годовая стипендия от Центра Гетти в Калифорнии. Я как раз собирал чемоданы, когда случился августовский путч, мимо окон нашей квартиры на Ленинградском проспекте шли танки, и я стал распаковывать чемоданы, но это все кончилось в три дня. Вот так я попал в Америку. После года в Лос-Анджелесе я получил приглашение в Нью-Йоркский университет и перебрался на восточное побережье. Я очень полюбил этот город и так тут на 30 лет и застрял, хотя не собирался.

— В своем выступлении для Фонда «Либеральная миссия», которое меня привлекло, вы критикуете попытки объяснить происходящее в России со стороны политологов, чьи определения превращаются в ярлыки. А что вы предлагаете взамен?

— Выдающийся социолог Георг Зиммель когда-то сказал, что общество — это взаимодействие людей. Но частные взаимодействия остаются в узких рамках субъективности. Когда эти взаимодействия повторяются и институционализируются, они становятся социальными формами, отчасти независимыми от намерений индивидов. Эти формы приобретают характер чего-то независимого от человека и даже объективного. Таких общественных форм много, и они связаны между собой.

Предмет политологии — институты, связанные с властью. Но эти институты существуют внутри гораздо более широкого социального поля. Исследовать, как они работают, надо, но политологический горизонт недостаточен, так как одинаковые формы могут наполняться совершенно разным содержанием. Парламенты в разных странах похожи друг на друга внешне, но работают, если вообще работают, совершенно по-разному, то же самое — суды. Или вот выборы, только что состоявшиеся в России. Обычно их понимают как форму легитимации власти. Но разве можно легитимизировать что-либо с помощью фальсификаций? Возможно, в них скрыт какой-то иной смысл, не предусмотренный институцией выборов. Давайте я у вас спрошу: какой в них смысл, что они легитимизируют?

— Это парад конформизма. Конформизм так укореняется и становится нормой, а, согласно Ханне Арендт, это необходимая база тоталитаризма. А легализуют эти выборы не власть президента и тем более не новый состав Думы, а произвол, который творится в том числе в ходе самих этих выборов.

— Я думаю, речь идет не столько о легитимации власти, сколько об утверждении суверенной воли власти вопреки любому выбору избирателей. Это процедура утверждения абсолютной власти над населением. Вы упомянули «самодержавие», с которым нынешняя власть все больше себя ассоциирует, возводя монументы самым реакционным монархам (мифический Сталин тоже символически инкорпорирован едва ли не в династию Романовых). Государство Романовых по своей культуре очень близко нынешнему. Ричард Хелли назвал русское царство «служилым государством», где все были обязаны служить государю, а поскольку ресурсов в слабой русской экономике было мало, то монархия перестала платить служилым людям, заменив «зарплату» правом кормления от постов и должностей (то есть прямой коррупцией). Именно оттуда тянется традиция зависимых от власти бюджетников и тотальной коррупции. Все это никак не вытекает из современных политологических анализов. Ярлык «электорального авторитаризма» лишь частично объясняет то, что невозможно понять без анализа культуры и традиций. Культ монархической суверенности постепенно привел к «исчезновению» человека и человеческого из российского дискурсивного репертуара.

— Лукашенко, например, полностью растерял популярность, но все же удерживается — почему?

— Лукашенко все время опережает российские события, хотя похоже, что он задает вектор развития России. При этом он не стремится полностью раствориться в символизме безраздельной власти. Он и картошку копает. Не царское это занятие. Оно и понятно, белорусская культура не была имперской и не знала культа безраздельного суверена. Я, однако, не думаю, что власть Кремля сегодня в состоянии держаться исключительно на этом монархо-церковном символизме, хотя в России символическое значение безличного государства гораздо выше, чем в иных регионах. Мне кажется, что основа его власти — это почти всеобщая коррупция. Я говорю даже не о прямом подкупе избирателей, чрезвычайно древней, между прочим, традиции. В Риме это называлась клиентелой, когда сверхбогач содержал тысячи людей в обмен на их голосование во время сенатских выборов. Коррупция заключается в том, что люди боятся потерять то небольшое благополучие, которого они добились. И в обмен на это зыбкое благополучие отказываются от свободы политического выбора. Модернизация Москвы — часть этого обмена. По сути, это опосредованный механизм конвертации властью денег снова во власть. Кроме того, и это особенно важно, российский человек традиционно отделяет сферу власти от сферы частной «жизни». Предельно дистанцирует государство от себя, как в самых архаических царствах. Он старается жить вне государственно-политических образований, которые всегда ощущает как враждебные и чужие. В советские времена знаменитые кухни составляли совершенно отдельный мир от мира КПСС. Культурные традиции многое объясняют в политике — например, почему выборы в России и на Украине совершенно разные и играют разную роль.

— Такие ли они разные, не всем ли одинаково морочат голову?

— Разные. Не случайно на Украине возможен майдан, и даже белорусы, которых русские наделили мифическим терпением, массово вышли на улицы в знак протеста против фальсификаций, а в России масштаб протестов даже в 2011 году был несопоставимо ниже.

На площадке «Нового литературного обозрения» мы как-то обсуждали проблемы рабства. Готовясь к этому обсуждению, я открыл для себя поразительные вещи. Крепостное право в Российской империи традиционно сравнивают с рабовладением в США, но это тоже институты, похожие лишь внешне. Рабы в США были «чужие», к тому же с другим цветом кожи, а в России в течение нескольких веков закрепощались свои. Если в Америке было заметно постепенное улучшение отношения к рабам, то в России к крепостным, наоборот, вплоть до отмены крепостного права в 1861 году отношение становилось только хуже. При этом наибольшее число крепостных было именно в центральных губерниях России, на окраинах крепостничество не было так распространено или его не было вовсе, как в Польше, Финляндии, на Кавказе и в Сибири.

Это связано с культом государства и с идеей империи. Но культа государственности, и тем более империи, никогда не было по окраинам, которые традиционно осознавали себя через оппозицию с центром. На Украине и на Дону не случайно возникали разные анархические течения. И после развала советской империи русские и украинцы повели себя тоже совершенно по-разному. На окраинах просто не существовала фетишизация власти и ее центра. Отсюда возможность демократии.

> ВЛАСТЬ ЗАЦИКЛЕНА НА «ВРАГАХ РОССИИ». ЭТО ПАРАНОЙЯ — НАВЯЗЧИВАЯ ИДЕЯ ОБОРОНЫ, КОТОРАЯ ВСЕГДА ВЫВОРАЧИВАЕТСЯ В АГРЕССИЮ

— Это напоминает рассуждения о русской колее, тут есть безнадега.

— Бездействие и пассивность «клиентелы» неотвратимо ведут к «колее». И все же ситуация более сложная, чем кажется. Взять хотя бы удивительный конфликт Кремля с Навальным. Навальный интересен тем, что подчеркнуто плюет на суверенную волю власти и активно призывает ее игнорировать как нелегитимную. Все это прямо отражается в выборах. «Умное голосование» — это не электоральная технология (как многие считают), это стратегия общего противостояния воле суверена, которая должна быть разрушена помимо всяких несущественных (с точки зрения Навального) электоральных результатов. Ему, в сущности, все равно, кто победит, важен исключительно факт провала кремлевской воли к власти, этой ницшевской одиозной Der Wille zur Macht (*воля к власти*. — **Ред.**). Вы хотите победы X, а мы приведем к победе Y. Остальное не существенно. Тут установка на демонстрацию ничтожности суверенной воли. Отсюда, как мне кажется, такое неистовство властей в отношении «Умного голосования». Этот конфликт лежит совсем не в электоральной плоскости.

— Насколько колею задает то, что вы называете «дискурсивным коридором»?

— Дискурсивный коридор — это поле выбора различных точек зрения, аргументаций и целей, которые вырабатывают члены общества. Чем богаче этот выбор, тем богаче само общество, и прежде всего «гражданское». Пропаганда, цензура, репрессии постоянно сужают репертуар тем и подходов. Бедность дискурса сужает диапазон политических и интеллектуальных возможностей и может вести к постепенной деградации общества. Показательно, что «оппозиция» сегодня обладает довольно узким и банальным дискурсивным репертуаром и в основном следует повестке, задаваемой властью, но с обратным знаком. Нужны новые идеи, чтобы расширить дискурсивный коридор. Дискурс все время развивается, это его природа, но если ему искусственно препятствовать, он приобретет уродливые, параноидальные формы. Власть зациклена на «врагах России», что тоже вполне традиционно: российская железнодорожная колея еще в позапрошлом веке была сделана отличной от европейского стандарта. Знаете для чего? Чтобы враг не завоевал Россию на паровозе. Это паранойя — навязчивая идея обороны, которая всегда выворачивается в агрессию. Российская империя всегда только оборонялась, пока не захватила шестую часть суши. А по мысли Карла фон Клаузевица, обороняющийся опасней, чем нападающий: нападающий стремится одержать победу и установить мир, а тому, кто в обороне, мир не нужен. И это старинное помешательство фиксируется в официальном дискурсе.

— Это помешательство коллективное? Вы где-то оговорились, что коллективное помешательство встречается чаще, чем индивидуальное.

— Ненормальные индивиды, каждый ненормален по-своему. Но если общество все строится на неком помешательстве как зиммелевской социальной форме, оно склонно охватывать собой все сообщество и принуждать множество вести себя в рамках такого коллективного безумия. Есть важная работа Жиля Делёза о двух режимах безумия: имперском и капиталистическом. Имперское безумие характерно тем, что у него есть центр, где, по Делёзу, находится «деспотическое означающее», и режим стремится распространить его как можно шире, оно, что называется, вещает из каждого утюга. В такой параноидальной системе психоз перестает быть вашим личным делом, он становится формой организации обще-

БЕЗУМИЕМ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

ства, что было характерно для империй прошлого. Но в современности ему начинает сопротивляться капиталистическое безумие, тут цепочки означающих — денег, идей, товаров и т. д. — движутся хаотически по множеству направлений без единого центра. Нынешнюю Россию я попытался описать в книжке «Парк культуры» как диковинное сочетание этих противоречащих друг другу видов безумия. Капитализм порождает гомогенность некоего поля, основанного на циркуляции ценностей и денег, а структура власти вторгается в эту рыночную однородность сапогом «деспотического означающего». Это противоречие, как мне представлялось, находит выход в эксцессах насилия (Серебренников, Юрий Дмитриев и другие).

— Иван Грозный оказался бы бессилен в современном обществе, которое упомянутый вами Делёз описывает как ризому — конструкцию, у которой нет центра и периферии?

— Да, в мире, несомненно, нарастает дисперсия, об этом свидетельствует постоянное появление новых групп и «идентичностей», которые требуют признания своего существования. Во многом этому способствует интернет, который кристаллизует дробную, сетевую структуру. Демократия сталкивается со множеством проблем, в парламентах давно уже нет подлинного представительства масс, выступления делегатов стали формой пиара или чистой риторикой, и всюду господствует партийная бюрократия. Бюрократия вообще расширяет сферу своего влияния повсюду. Но и пресса, в некоторых сегментах претендующая на участие в политике, все более глубоко пронизана рыночными механизмами, в которые укоренена ее так называемая объективность. Европейская модель общества, конечно, в кризисе, и об этом много говорится. Но противостоящая ей российская параноидальная «имперскость» никак не соответствует вызовам «капиталистического безумия», с которым она не может гармонично сосуществовать.

— Я вижу так, что в России живут два народа, каждому из которых присущ свой способ мышления: критический и мифологический — причем они не смешиваются и не взаимодействуют друг с другом, как вода и масло. И это различие не между образованными и малообразованными, умными и глупыми, а какое-то иное. Помните показательную дискуссию про 28 панфиловцев с участием тогда министра культуры Мединского?

— Это разные режимы истины, сосуществующие сегодня в мире. Существует «истина» документа, или, вернее, совокупности документов. А есть истина коллективной памяти, в которой прошлое перерабатывается в некую неартикулированную область национальной или групповой идентификации. Эта область посылает отражающимся в ее зеркале идеализированные образы их самих, используемые для выработки умиротворяющей идентичности. Эта мифологическая область псевдопамяти, которая распространяется на исторические памятники и фикцию национального наследия, не терпит противоречия со стороны документов и взывает к их уничтожению или замалчиванию. К сожалению, Вторая мировая война была превращена в такую мифологическую зону коллективной памяти и групповой идентичности. А потому всякое подлинное знание об этой войне, ее противоречиях и трагедиях становится недопустимым.

— Многое еще хотелось бы обсудить, в частности, роль журналиста, которую я понимаю как роль историка, но работающего внутри истории, без дистанции, а также как «парресиаста», стремящегося выговорить правду с риском для себя. Вы как раз рассуждали о парресии (*термин Мишеля Фуко, обозначающий истинную речь философа перед лицом тираниче-ской власти.* — Ред.) на встрече в «Либеральной миссии».

— Я согласен с тем, что журналист должен быть по возможности честен, хотя понимание происходящего всегда требует дистанции и осмысления. Лукреций писал о том, что смысл катастрофы тонущего корабля не может быть явлен тем, кто вместе с ним тонет, но лишь наблюдателю с берега. К тому же журналист в силу своей профессии не может по-настоящему расширять дискурсивное поле. Он всегда ему подчинен. Когда-то Фуко поднял вопрос о говорении правды ценой своей жизни и свободы. В Греции такая практика называлась парресия. В качестве примера парресиастов Фуко называл Сократа и Диогена. Правдивость их высказываний обеспечивалась тем риском, который брал на себя говорящий. Многие журналисты в сегодняшней России кажутся парресиастами, так как рискуют не только карьерой, но иногда и жизнью. Вопрос, однако, в том, что правда Диогена опиралась не только на его готовность с риском для себя конфликтовать с властью, но и на силу его личности и огромный человеческий престиж. Философ Агнеш Хеллер говорила в связи с этим об «этике личности», способной вступить в противоречие с общепринятыми этическими нормами. Но, чтобы исповедовать такую этику (как, например, у Ницше), надо быть крупной и независимой личностью. А они встречаются не так часто, в том числе и среди журналистов.

— В самом начале я задал вопрос, что для вас Родина, но вы не ответили. Герой моей повести «Белая карета» приходит к выводу, что Родина — это скорее время, чем место. Он говорит: «Место-то вот оно, а что ему сделается, но время очень изменилось за это время в этом месте». У меня такое чувство, что Родину у меня отняли, все тут переделали, меня не спросив, а я в самом деле какой-то «иностранный агент». По-французски «иностранец» будет более выразительно: L'etranger, что также означает «чужой».

— Покуда я жил в России, мне давали понять, что я, как еврей, чужак и должен ехать в «свой Израиль». В Америке определенная маргинальность порождается тем, что я вырос в иной культуре. Но чем больше я живу, тем больше убеждаюсь в том, что маргинальность — это не изъян, а привилегия, позволяющая видеть вещи со стороны и иногда лучше их понимать. Может быть, поэтому Родина для меня — это не только то, во что я укоренен культурой и происхождением, но и то, от чего я отделен причудливостью моей биографии. Это нечто близкое, подвергаемое неустанному дистанцированию.

Беседовал
Леонид НИКИТИНСКИЙ,
обозреватель «Новой»

из петербурга в москву

ОНЕГИН, И ПАПА

Старый Торжок рождает новые мифы и параллельную реальность. Бизнесмен здесь становится сказочником, а работницы швейной фабрики создают свои Канары

Ник Ангелов

Торжок пропах яблоками и тоской. Яблоки — красные, зеленые, янтарные — устилают дворы, как брошенные на пол пестрые бабушкины половики. А найдя прореху в заборе, выплескиваются разноцветным потоком на улицу, прямо под ноги.

Обходишь, стараясь не наступить.

«Вона как нынче, видишь, никому оно не надо, — комментирует наблюдающая за моими маневрами старуха. — Нет чтобы свезти в интернат какой, компоту всем наварить...»

Торжок — на полпути между Питером и Москвой, но остается лишь транзитной точкой для путешественников. Редко кто задержится больше чем на несколько часов, иногда еще на ночевку, отдохнуть от дороги. Обомлев от нечаянной его красоты — раскинутых по холмам над Тверцой десятков церковных маковок, деревянных домов с резными наличниками вдоль извилистых старых улочек, кое-где до сих пор покрытых булыжником, изумляются: какая сказка!

Только признанных памятников около трехсот. О Торжке теперь даже папа римский знает — с тех пор, как Владимир Путин преподнес Франциску золотую вышивку, созданную новоторжскими мастерицами. Этому здешнему промыслу свыше восьми веков, а самыми искусными золотошвеями слыли насельницы Воскресенского женского монастыря.

С советских времен тут обосновалась фабрика — производство по пошиву пальто по сей день работает в стенах Воскресенского собора, обезображенного выведенными наружу вытяжными трубами. А церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи служит складом.

Бывший келейный корпус, где затем жили фабричные люди, почти сложился вовнутрь — вот-вот рухнет с холма вниз, в густые заросли над рекой. Там до революции был бульвар, где прогуливалась нарядная публика. Теперь не продерешься сквозь кусты, колючки и груды мусора.

Зато наверху, на площадке у швейного цеха, куда выходят работницы на перекур, свои тропики — пальмы, собранные, как конструктор, из обрезанных пластиковых пивных бутылок. Каждая, опрокинутая здесь с устатку на лавочке, идет в дело: коричневые — на стволы, зеленые — на листья.

Это, говорят, наши Канары. На другие тут не заработаешь.

Объективных причин быть Торжку депрессивным вроде бы нет. Идеальное расположение на главной туристической дороге страны, достаточно крупных предприятий, исправно получающих госзаказы. Сохранившаяся историческая планировка и уйма архитектурных сокровищ. Но из почти 40 существовавших к 1917 году храмов нынче действуют с десяток, плюс Борисоглебский монастырь, а примерно 15 церквей остаются заброшены и разрушаются. С рядовой исторической застройкой не лучше — покосившиеся домики с обвалившимися крышами, пустыми глазницами окон, чуть ли не на каждом втором — «продается», «продается»... Охотников только на них не находится, так годами и стоят.

Поездка в Торжок сродни путешествию на машине времени. Действующая колонка с питьевой водой на улице Водопойной. Указатель «Видеопрокат». Под вывеской «Скупка золота» объявление на запертой двери: «Мы работаем! Сотрудник находится где продают банки на Ильинке» (подкреплено изображением трехлитровых стеклянных банок). За забором блеет коза. Из печных труб тянет березовым дымом. И никакой туристической инфраструктуры. Да какое там — попробуйте хотя бы кофейню найти. Ожидаешь — гармоничное продолжение антуража конца прошлого века — увидеть здесь сосисочную или пельменную.

И вдруг натыкаешься на «сказочную».

Именно так определил формат своего заведения Ник Ангелов, его создатель, — решив, что это будет место, где бесплатно подают сказки, под которые можно выпить кофе или чаю с пирожными.

Ангелов — это, конечно, псевдоним, под ним и публикуются сказки, которые сочиняет этот большой мужчина, похожий на любопытного добродушного медведя. Вообще-то он Роман, но не любит смешивать две своих ипостаси — московского бизнесмена и новоторжского сказочника.

«В какой-то момент понимаешь, что жизнь — короткая штука. И заниматься тем, что не приносит тебе удовольствия, пусть даже принося деньги, смысла никакого нет, — объясняет выбор нового пути Роман. — Нужно жить и делать только то, что нравится.

Сказочное кафе

Три года назад он купил заброшенное двухэтажное историческое здание — в не самом проходном, но одном из самых красивых мест Торжка, на поднимающейся к храму улице Красная Гора. Реставрировал и ремонтировал два с половиной года. И попутно сочинял историю о том, как двести лет назад мальчик Ник приходил сюда, в торгующую сластями лавку, за знаменитым лихославльским мармеладом. Как встретил здесь ангелоподобную девочку, в которую тотчас влюбился, как жизнь разлучила их на пятьдесят лет, а затем вновь свела в том же месте. Кроме двух главных героев, есть и другие: например, рыжая курица, несущая разрушение. Она мстит за сородичей, пущенных на прославившие Торжок пожарские котлеты. Но у этой курицы огненной масти есть и другое предназначение.

«Понимаете, она, с одной стороны, как птица Феникс — непременно возрождается, что бы ни случилось, — пояснят автор. — А с другой — она как ангел, приносит добро».

В неделю выходило по одной новой истории — свежие стопки газет, где их

ЛЕНИН РИМСКИЙ

печатали с рисунками автора, разбирали при входе в кофейню. Каждая серия — не только воспоминания дожившей до седин влюбленной парочки, но и погружение в историю Торжка и его окрестностей, с попутным мифотворчеством, явно вдохновляющим Романа.

В которое он и сам вносит посильный вклад.

Чего стоит одна история с могилой Онегина, наделавшая шуму прошлой осенью и из-за которой краеведы едва не пошли стенка на стенку.

«Пушкин, как известно, много раз бывал проездом в Торжке, — поясняет Роман. — И в те годы на здании напротив гостиницы Пожарских была вывеска «Евгений Онегин, портновских и булочных дел мастер». Предполагаю, что Пушкин мог видеть ее, а мог и услышать от лавочника или хозяина гостиницы историю про торжокского Евгения Онегина и дать такое же имя герою своей поэмы, над которой тогда работал. Род Онегиных тут довольно известен, на старом Пустынском кладбище несколько захоронений членов их семьи. Но достоверно установить, где чья могила, очень сложно — в таком все запустении, да и сквозь заросли было не продраться. Я подумал — почему бы по аналогии с «Том Сойер Фестом» не запустить в Торжке «Гекльберри Финн Фест»? И перво-наперво привести в порядок могилу Онегина!»

Отыскать к ней путь среди колючих зарослей было отдельным квестом.

«Нашего Онегина спас Ленин!» — не сомневается Роман. Могила новоторжца, однофамильца Ильича оказалась самой ухоженной, а потому приметной — на нее шли, как на маяк во тьме. А благодаря ухоженному Ленину и Онегин сохранился».

Роман с волонтерами покрасили оградку, расчистили тропинку и могилу от сорняков. А главное — привели на нее правнучку Онегина, Тамару Константиновну Шестакову-Соловьеву. Которой до того пробраться к захоронению предка не было никакой возможности.

Герои сказок

«НАШЕГО ОНЕГИНА СПАС ЛЕНИН!» — НЕ СОМНЕВАЕТСЯ РОМАН. МОГИЛА ОДНОФАМИЛЬЦА ИЛЬИЧА ОКАЗАЛАСЬ САМОЙ ПРИМЕТНОЙ — НА НЕЕ ШЛИ, КАК НА МАЯК ВО ТЬМЕ

Тамара Константиновна, отметившая накануне 91 год, очень расчувствовалась, когда Роман вручил ей букет и отрисованное им масштабное генеалогическое древо Онегиных.

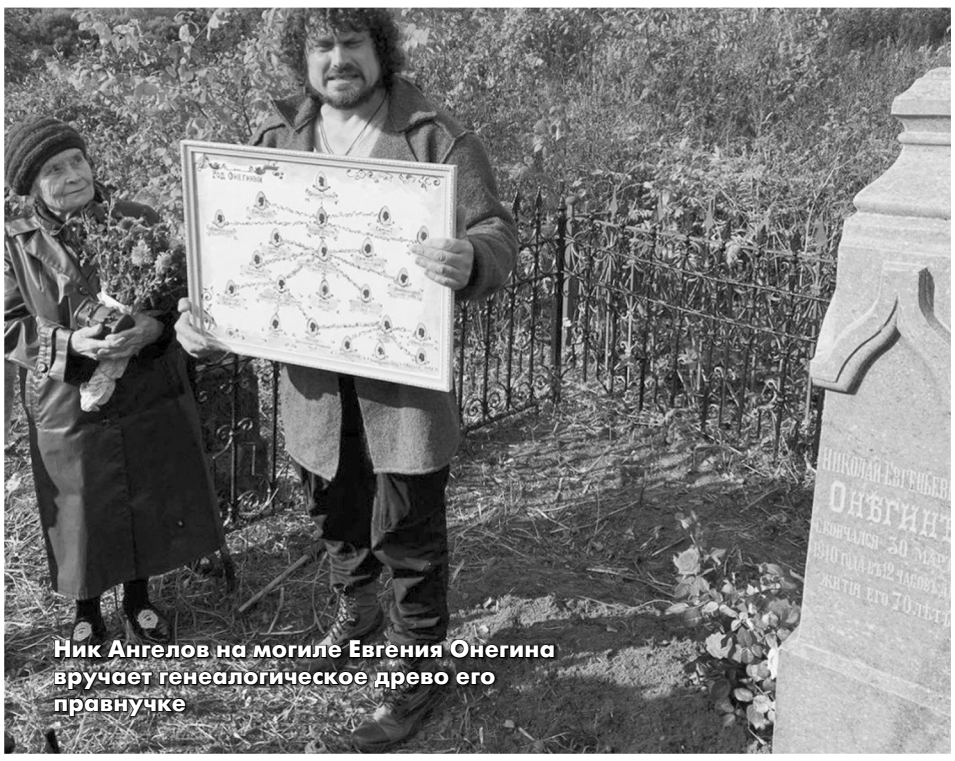
Акция встретила резкую критику некоторых местных краеведов, вплоть до возмущения «бесовщиной вокруг Евгения Онегина и могилы его сына». А заодно активизировала новый виток давних дискуссий между самими исследователями *(кто хочет погрузиться в нее глубже, может обратиться к статье Нины Лопатиной и ее же книге «Пушкин и Торжок. Евгений Онегин из Торжка»)*.

Слушая фонтанирующего идеями Романа, разделить вымысел и факты бывает непросто. Что, может, не так уж и важно, если чуть ближе становится заданная им цель: придумать новые сюжеты и «якоря», способные заинтриговать, вызвать интерес, задержать путника в Торжке больше чем на день, несмотря на всю его необустроенность и разлитую среди развалин тоску.

За час разговора он успел рассказать о масонской подоплеке работ архитектора Львова и тайных смыслах погреба-пирамиды в его родовом имении, о загадочном месте силы близ деревни Арпачёво — «круг среди поля, куда все время попадают молнии, я только девять деревьев, сожженных молнией, там насчитал, а местные говорят, что то и дело НЛО над ним видят». О том, почему от медовухи один вред, а от ставленого меда холодного брожения — сплошная польза. О собственном опыте хлебопечения, с которым экспериментирует уже лет десять. И о новых задумках — выращивать амарант («крутейший злак, зерно долголетия») и наладить выпечку хлеба из амарантовой муки, «как предки наши делали». А еще — запустить выпуск фигурок своих сказочных героев из лихославльского мармелада, привести в порядок прилегающую к «сказочной» территорию — чтобы было интересное общественное пространство, а то молодежи и собраться-то в Торжке негде.

«Идей у меня много. Главное — создавать надо то, что способно удивить. А Торжок — очень мистический, загадочный город. Вот я так его вижу, поэтому и сочиняю такие сказки. И мне бы хотелось, чтобы, находясь в моей «сказочной» в Торжке, пусть даже в окружении развалин, ты в то же время был немножко в другой реальности — такой, какой она может стать, если есть любовь».

Татьяна ЛИХАНОВА,
фото Дианы Аветисян


Ник Ангелов на могиле Евгения Онегина вручает генеалогическое древо его правнучке

Ленин, который спас Онегина

Дмитрий БЫКОВ

ШАНИНСКОЕ

Масштабам местного величия грозит не образ мыслей, нет, а самый факт ее наличия

По Пастернаку, стиль вампир*
С годами будет все кровавее
И правит свой убогий пир
В года бесправья и бесславия,
Но вот примета из примет:
Масштабам местного величия
Грозит не образ мыслей, нет,
А самый факт ее наличия.
Донос бушует, как понос,
Бурлит, как ведьминское варево,
А дно-с в России не одно-с,
И пробивай — не пробивай его...

Иноагентом стал «Росбалт»;
*Простись, «Республика»**, с надеждами;*
*«Мемориал»*** — добыча банд,*
Они в итоге не задержаны,
Страна опять себе равна,
Но всех наглядней случай Зуева:
Не видя своего бревна,
Нашли соломинку в глазу его.
Он был лоялен, но умен —
И надоел верховным мумиям:
Ведь лозунг нынешних времен —
Лояльность в паре с малоумием.
Пришли такие времена,
Что неуместна даже Шанинка
(Хотя не нравится она —
Другую сделай, кто мешает-то?).
Мозги теперь не ко двору,
И, так сказать, открылась бездна им:
На скудном нынешнем пиру
Должно быть сладко только бездарям.
Образованцев не щадя,
Эпоха отторгает Зуева:
Во дни холодного дождя
Наивно бегать между струй его.

Имей ты опыт Собчака,
Чубайса ум и внешность Збруева —
Не даст новейшая ЧК
Уйти от зева амбразурьева.
Ты неизменен, старый друг,
Реинкарнация Расплюева —
Он ненавидит все вокруг,
Превосходящее соплю его.
Их строй хомячит всех подряд,
Равно от Блока и до Клюева,
Он и тебя затопчет в ад,
В какую точку ни целуй его.
Он хочет сделать образцом
Свое убогое Кукуево,
Быть честью, совестью, отцом,
Чтобы дивился мир уму его!
О, эти влажные мечты!
Но заменить собою Зуева
Не сможешь, душенька, ни ты,
Ни вся твоя контора
(на этом рукопись обрывается).

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

* *Из письма к Ивановым от 8 апреля 1942 г.*
** *Признана властями иноагентом.*
*** *Признан властями иноагентом.*

Редакторы номера:
И. Гордиенко, А. Полухин

www.novayagazeta.spb.ru www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)
Сергей КОЖЕУРОВ (директор)

Редакционная коллегия:
Ольга БОБРОВА (зам главного редактора), **Александра ДЖОРДЖЕВИЧ** (отдел расследований), **Руслан ДУБОВ** (ответственный секретарь), **Александр ЛЕБЕДЕВ** (зам главного редактора), **Андрей ЛИПСКИЙ** (зам главного редактора), **Лариса МАЛЮКОВА**(обозреватель), **Кирилл МАРТЫНОВ** (первый зам главного редактора), **Юлия МИНЕЕВА**, **Константин ПОЛЕСКОВ** (шеф-редактор WEB-редакции), **Алексей ПОЛУХИН** (зам главного редактора), **Надежда ПРУСЕНКОВА**, **Георгий РОЗИНСКИЙ** (зам главного редактора), **Юрий РОСТ** (обозреватель), **Петр САРУХАНОВ** (главный художник), **Сергей СОКОЛОВ** (зам главного редактора), **Ольга ТИМОФЕЕВА** (редактор отдела культуры), **Арнольд ХАЧАТУРОВ** (редактор отдела экономики), **Виталий ЯРОШЕВСКИЙ** (зам главного редактора)

Обозреватели, специальные корреспонденты и руководители направлений:
Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН, Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ, Татьяна ВАСИЛЬЧУК, Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС, Ирина ГОРДИЕНКО, Павел ГУТИОНТОВ (истфак «Новой»), **Елена ДЬЯКОВА, Иван ЖИЛИН** (редактор репортерской группы), **Андрей ЗАЯКИН** (дата-отдел), **Вячеслав ИЗМАЙЛОВ, Павел КАНЫГИН** (руководитель продюсерского центра), **Елизавета КИРПАНОВА, Денис КОРОТКОВ, Елена КОСТЮЧЕНКО, Алиса КУСТИКОВА, Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МИЛАШИНА, Владимир МОЗГОВОЙ, Сергей МОСТОВЩИКОВ, Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН, Леонид НИКИТИНСКИЙ, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Елена РАЧЕВА, Ким СМИРНОВ, Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА, Марина ТОКАРЕВА, Ирина ТУМАКОВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА, Ян ШЕНКМАН**

Мультимедиа:
Анна АРТЕМЬЕВА, Ирина БЫКОВА, Влад ДОКШИН, Виктория ОДИССОНОВА, Анна ПИНДЮРИНА, Серафима СВЕРДЛОВА (Тик-Ток), **Глеб ШУЛЬЦ-ИВОНИН, Надежда ЮРОВА**

Собственные корреспонденты:
Надежда АНДРЕЕВА (Саратов), **Татьяна БРИЦКАЯ** (Мурманск), **Изольда ДРОБИНА** (Урал), **Мария ЕПИФАНОВА** (страны Балтии и Северной Европы), **Александр МИНЕЕВ** (Брюссель), **Ольга МУСАФИРОВА** (Киев), **Александр ПАНОВ** (Вашингтон), **Нина ПЕТЛЯНОВА**(Санкт-Петербург), **Елена РОМАНОВА** (Ростов-на-Дону), **Юрий САФРОНОВ** (Париж), **Валерия ФЕДОРЕНКО** (Владивосток), **Ирина ХАЛИП** (Минск)

Группа выпуска:
Анна ЖАВОРОНКОВА (арт-директор), **Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА** (бильд-редакторы), **Диана ГРИГОРЬЕВА, Оксана МИСИРОВА, Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО** (технические редакторы)

WEB-редакция:
Наталья ГЛУХОВА, Мария ЕФИМОВА, Надежда КАЛИНИНА, Никита КОНДРАТЬЕВ (редактор службы новостей), **Александра КОПАЧЕВА, Софья КРУГЛИКОВА, Дарья КУДРИНА, Александр ЛАВРЕНОВ, Надежда МИРОНЕНКО, Александра НОВИКОВА, Вячеслав ПОЛОВИНКО** (старший продюсер сайта), **Серафим РОМАНОВ, Анастасия ТОРОП**

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН (генеральный директор ЗАО «ИД «Новая газета»),

Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами), **Ирина ДРАНКОВА, Елена СЕДОВА** (бухгалтерия), **Наталия ЗЫКОВА** (персонал), **Анжелика ПОЛЯКОВА** (реклама),

Ярослав КОЖЕУРОВ, Галина КАРАЛАШ, Екатерина СЕДОВА (юридическая служба),

Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-Пб»**
СПб., 11-я линия, 66
Главный редактор: **Д. Л. КАЧАЛОВА**

Адрес редакции и издателя:
199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:
ПР633

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — **95 890 экз.**

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — **17 200 000** просмотров за сентябрь 2021 г.

Тираж одного номера в СПб — **2400 экз.**

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция: АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2021 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Срок подписания в печать по графику: 19.30, 16.10.2021 г.
Номер подписан: 19.30, 16.10.2021 г. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00. 17.10.2021. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».